

фантастическая
история



Григорий Рожков
Американец

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Григорий Рожков
Американец
Серия «Американец», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523305
Американец: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1149-8

Аннотация

Его никто не спрашивал, хочет ли он оказаться в излюбленном историческом периоде – во Второй мировой. Но он оказался там. Никто не дал ему выбора – с кем быть. И русский стал американцем. Никто не делал его солдатом той войны. Он сам им стал...

Артур Арсентьев, вчерашний студент-юрист, сержант запаса и ярый поклонник военно-исторической реконструкции, оказывается 22 июня 1941 года на советско-польской границе за минуту до войны. Ему придется поверить в то, во что очень сложно поверить. Ему придется заглянуть в лицо смерти. Ведь он сражается ради Победы! Но делать все это он будет, неся рядом с ярко-красным Знаменем Победы звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов Америки. Потому что здесь он – американец. И американцы – верные союзники.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Григорий Рожков Американец

Глава 1 Шаг навстречу войне

Ох, жара! Проклятая каска на голове словно котелок, только снятый с костра... Мимо проковылял довольный жизнью Колька. Прет на горбу пяток массогабаритных макетов «мосинок» и ПППШ¹, это, скажу я вам, немалый вес выходит, а он все равно лыбится! Дорвался до счастья, Великий Любитель оружия! Жаль, нам с настоящими стволами не дали работать... Ох-ох-ох, жарко-о... Завидую я Коле, он не мучается от жары! Вот в чем разница между американским пехотным офицером в полной экипировке и обычным бойцом РККА образца лета 1941 года. Легкая, просторная и, главное, простая форма советского солдата начала войны – хэбэшная гимнастерка, галифе, ботинки с обмотками, пилотка и ремень. Все! Больше ничего нет и не надо. А я, блин, напялил на себя все, что было в комплекте, – шерстяную рубашку, куртку и штаны, кожаные высокие ботинки, да еще и гетры в придачу. А жар на улице за сорок! И это в мае! Просто чудесно носить в такую погоду чугунок на голове... Ладно, это мелочи... Вот народ набегает, новая партия, прямо с автобусов. Правильно, а что еще делать 9 Мая после просмотра парада? Ехать в Кубинку на полигон, смотреть танки, лапать оружие да фотографироваться с ряжеными энтузиастами-реконструкторами. И по воле судьбы я, один из этих энтузиастов, красуюсь в униформе американского первого лейтенанта (в русском эквиваленте – старший лейтенант) из 1-й пехотной дивизии «Большая красная единица». Форма удобная и практичная, из отличных материалов сшита, но жарко в ней...

Сейчас это маскарадное занятие приносит мне и людям удовольствие. Многим очень хочется сфотографироваться со мной, кто-то даже просит, чтобы я изобразил что-нибудь героическо-историческое, вроде руки в боки или, сидя на броне танка, куда-то указываю, вроде приказы отдаю. Одним словом, есть чему радоваться, и спасибо за это моему командиру Максиму Юрьевичу. Хотя какой он командир – скорее, руководитель, мы ведь не военное подразделение, а всего лишь военно-патриотический клуб с громким именем: «Атака». Пять лет уже в клубе. Моя безумная влюбленность во все военное, начиная со шнурков на коркоранах и заканчивая межконтинентальными баллистическими ракетами, породила мечту быть хоть на шаг ближе к предметам вожделения. И «Атака» эти мечты постепенно превращает в реальность.

В первый же месяц пребывания в клубе я увлек за собой своего одноклассника Юру Иванова и родного младшего брата Сергея. Вся эта военная мишура была им тоже по приколу. Эх, сколько было эмоций, когда мы впервые взяли за боевые автоматы Калашникова на полигоне. Ух! Отстрелялись на «отлично», никто не промахнулся. А потом все делились впечатлениями и хвастались. Где мои шестнадцать лет?.. В клубе за пару лет я вырос до заместителя Максима Юрьевича и стал полноценным полевым командиром отряда. Тогда по случаю купил себе новый комплект современной армейской камуфляжной формы, без знаков различия, конечно, но все равно заметно выделявшей меня среди членов клуба. К чему мне, обычному парню в простом военно-патриотическом клубе, носить форму с погонами или иными знаками офицерской принадлежности? Ни к чему: проблем с милицией, а

¹ «Мосинка» – винтовка Мосина; ПППШ – пистолет-пулемет Шпагина.

нынче полицией, не хочется иметь. А в отряде люди меня знают в лицо, и не требуется иных доказательств принадлежности к командованию. Форма, в общем, это просто понт... Серый и Юрик стали моими замами, и причиной тому не то, что один из них мой родственник, а второй – старый друг. Я сделал такой выбор, основываясь на увиденном в процессе занятий: брат тянется за мной и самосовершенствуется, а Юра и вовсе в чем-то даже лучше меня. Втроем мы понемногу вносили в жизнь клуба что-то новое. К примеру, мы стали договариваться с другими клубами о проведении совместных военных игр, об организации поездок по городам-героям, стали собираться на турниры по пейнтболу и создали даже свой кубок. Из последних наших придумок стали вот эти «маскарады» на выездах в Кубинку и на Поклонную Гору.

Прошлый же год лично для меня стал большой проверкой знаний и навыков, полученных в клубе, – я попал в вожделенную армию. Отдал, так сказать, долг Родине. Причиной тому стала собственная дурость – я чуть не вылетел из университета, излишне увлекшись клубными делами и совершенно забив на учебу. Одумавшись, я решил взять академический отпуск и вернуться к учебе через год.

Отец посоветовал хорошее место, где можно набраться жизненного опыта и где из головы отлично выветривается лишняя дурь. Таким местом оказалась армия.

Попал я в мотострелки, светанулся со своей любовью к военному делу и очень удачно обратил на себя внимание. Быстро стал ефрейтором, под конец службы – младшим сержантом, а на гражданку вышел и вовсе сержантом. К собственному удивлению, особенного удовольствия от службы получил немного, но интереса к военному делу не потерял. Поэтому по возвращении из армии вновь отправился в «Атаку» и полноправно занял пост второго руководителя клуба рядом с Максим Юрьичем.

Вместе мы продолжили расширять клуб, привлекая все новых и новых людей. Вот и вышло, что если в первый год, когда я пришел в клуб, нас было всего 20 человек, то сейчас наш клуб насчитывает 250 человек и целых четыре филиала в Москве и Подмосковье!..

Мимо прошмыгнул Коля и махнул мне рукой:

– Командир, Серый и Юра уже на стрельбище.

Я махнул в ответ. Вовремя он предупредил: сейчас они рассказывают об истории вооружения Рабоче-крестьянской Красной армии, а затем должен буду появиться я. В прошлом году нам доверили проводить мероприятия по ознакомлению народа с многочисленными качественными репликами оружия Второй мировой.

Не отвлекаемся, Артур, сворачиваем фотосессию и приглашаем всех людей, что стремились со мной сфотографироваться, к стендам с оружием.

С этими мыслями я проломился сквозь толпу, направляясь к стрельбищу. Откуда-то слева донесся знакомый голос:

– Артур!.. Мы тут!..

Ага, вижу. Дима, Денис и Миша. Мои одноклассники в универе. Прорваться к ним сквозь толпу я не смогу.

– Хэй, идите к стрельбищу! Туда! – машу рукой, указывая направление. Вроде увидели. – Увидимся там!..

А потом... Потом я даже шага сделать не смог. Толчок в спину – и земля стремится в мои объятия. На миг показалось, что сейчас будет неприятно больно, но этого не случилось... Перед глазами все неожиданно поплыло, и я не влетел всем телом в землю, а завис в невесомости. Вокруг была бескрайняя, безмолвная и холодная пустота. То есть так было поначалу.

Первым в пустоте появился голос. Он доносился отовсюду, мерно, бездушно зачитывая сотни, тысячи слов на английском.

Потом появились очень живые образы из воспоминаний – просмотренные фильмы, прочитанные книги, разговоры с друзьями, уроки в школе, лекции в университете, занятия в армии и клубе. Они вставали передо мной и исчезали, уходя от меня либо влево, либо вправо. Это выглядело так, словно кто-то их перебирал и делил на две категории.

Затем я ощутил себя. В прямом смысле этого слова. До того момента я и не понимал, что смотрел на все подобно бесплотному духу: у меня не было тела. А после момента я знал, что у меня точно есть тело.

Пока все это происходило, я не испытывал никаких эмоций – ни страха, ни удивления, ни интереса. Мой разум просто пропускал через себя всю ту информацию, что шла извне, и не воспринимал ее как нечто особенное. И лишь в конце всего этого «полета» я почувствовал, что нечто пошло не так, как надо. В голове что-то щелкнуло, и пустота завывала сотнями тревожных сирен. Что-то пошло не так, и я, подхваченный силой притяжения, куда-то стремительно полетел...

У, йо!.. Встреча всей грудной клеткой и лицом с землей – это, я вам скажу, то еще счастье. Твою маман!.. Упал все же... Ай-ай... Как же головой приложился, гудит – аж жуть! Что же случилось? Ведь что-то было со мной, но что? Ни черта не помню...

Бабах!

В голове словно разорвался снаряд. Столь реалистичных звуковых галлюцинаций от ударов головой у меня еще не было. Двигаться не было просто сил – дух вылетел от удара мгновенно. Ни руки, ни ноги не шевелились, а вздохи шли через раз. Еще голова болит дико...

Бабах!

Ой! А это что? Я так сильно головой стукнулся, что у меня слуховые галлюцинации? Похоже на то...

Не-э, это, похоже, реальный взрыв. Я что, опять в армии? Учения?

Переборов себя, перевернулся на спину и посмотрел в... предзвездное небо?! Э! Я не в армии... Я в Кубинке был! Днем! Часа два дня было! А тут еще не рассвело до конца. Включите свет, дышать не видно! Гул взрывов стал нарастать и учащаться, появилась ощутимая вибрация земли. Секунды в реальности – и годы в голове. Это что же такое? Я вырубился? А чего же тогда нет шума толпы? Чего земля вибрирует? И кто так кричит? Крик был знатный: он появился неожиданно – истерика и дичайшая боль, смешавшаяся с безысходностью, такие вопли слышны даже сквозь взрывы. От такого крика по телу пробежались мурашки и проступил холодный пот. Внезапно меня обняла тишина – не было шума толпы, пропали взрывы, даже крик исчез. И голова неожиданно прошла... Сознание уже кричало от непонимания, тело же продолжало вести себя флегматично. Взгляд лениво сместился влево, небо сменилось темными кронами деревьев.

Та-а-ак.... Теперь вправо. Опять деревья? Непонятно...

Дыхание восстановилось, тело вновь стало послушным – надо вставать. Сначала осмотрим себя на предмет ранений и травм. Так, на мне все та же американская форма, никаких телесных повреждений вроде нет, после удара уже все прошло. Это хорошо...

А что у нас с окружающим миром? Просека: слева и справа лес... Назад почему-то оборачиваться не хотелось – наверное, уже тогда сработало подсознание, и мозг решил подготовиться. Все как в какой-нибудь психологической драме, насыщенной сюрреализмом. Это там героя обыкновенно мучают галлюцинации – настолько реальные, что происходит полная потеря осознания, где правда, а где вымысел. Проклятье! Не здесь я был. Не те запахи. Не то время!.. Слегка потянуло кислой гарью. Надо встать и оглянуться...

Встал. Теперь обернись, Артур. Резкий разворот на месте – и из легких вырывается непонятный полустон-полувсхлип. Метрах в ста от меня по просеке стоят полуразрушенные постройки.

Мама, я домой хочу! Мне эти шутки не нравятся! Ноги же при этих мыслях независимо от моего желания понесли меня навстречу неизвестности. Шаг за шагом я приближался к строениям. Это что-то военное. И напоминает мне... Пограничную заставу? По спине пробежали мурашки. Такие заставы я десятками видел на фотографиях довоенного периода и начального периода войны. Несколько зданий и сараев, вышка на заднем плане, нечто вроде плаца или спортплощадки прямо на моем пути. Приближаясь к площадке, пытаюсь понять, что же это за бугры меж воронок. Тут под ногой оказалось что-то мягкое, и я, охнув, отскочил.

Мать моя в кедах! Туловище ополовиненного пограничника с вывалившимися наружу кишками не было приятным зрелищем. Проблевавшись в ближайшую воронку, оглянувшись на останки и повторил процедуру с опустошением желудка. Не, так нельзя, надо обойти останки бойца стороной. Хотя смысла в этом ни на грош. По плацу было разбросано, да, именно разбросано, множество тел, я их не заметил сразу потому, что форма на них была заляпана темными пятнами крови и покрыта слоем земли. Они что, были на построении?

Кто-то застонал, кто-то зашевелился. Есть живые!.. Слава богу!.. Ноги, не желая толком слушаться, тряслись, а голова на удивление четко отвечала на единственный вопрос «Что происходит?» сухим и жутким: «Война». Вот не приходило мне в голову, что это какие-нибудь сверхреалистичные съемки очередного фильма о войне. Ну не приходило! Бывал я на настоящих съемках: там везде софиты, провода, рельсы длядвигающихся камер, в стороне всегда трейлеры с актерами, техникой и генераторами стоят. А тут ничего этого нету!

Неужели... Неужели... Стоя посреди площадки, сжав кулаки, я ошалело оглядывался, пытаюсь понять – что делать? Мысли, собираясь в кучу, просветлялись. Первое, что требовал разум, – так это разжиться оружием, ибо в том, что это война, сомнений не возникало, ну никаких! И то, что эта война – ТА САМАЯ, Великая Отечественная, Вторая мировая, Самая Кровопролитная Война! По фиг, по фиг! Тут граница рядом! А немцы скоро подомнут погранцов, сидящих сейчас в секретах, и пойдут смотреть: а что у них там с заставой? А я что, идиот тут сидеть, и при этом без оружия?! Надо выживать, сражаясь.

Так размышляя, я уловил странную деталь. На площадке лежало несколько солдат в форме, не похожей на советскую, а рядом – пятеро офицеров РККА, или, точнее, командиров. Приблизившись, я ахнул! Эти странные формы, не похожие на советские образцы, были американскими! Офицеры армии США – в полевых униформах пехоты, такой же, как и у меня, только с некоторыми различиями в деталях. Мать-перемать!!! Да не было же амеров в 1941 году на территории СССР, и уж тем более на советской пограничной заставе! Я бы со своей въедливой любовью к истории Второй мировой точно знал о таком событии. Но ведь не знаю, а факт налицо!

Стоп. Это же шанс! Это же объяснение, откуда я взялся! Главное – не попасть в руки энкавэдэшников из особого отдела, а уж американцам я чего-нибудь и расскажу, они маленько прогрессивнее будут в таких делах – может, и не убьют. Успокаиваясь, начал понимать, что надо делать. Для начала надо помочь раненым.

Шага сделать не успел, как рядом кто-то застонал. Обернувшись, буквально перед собой увидел, как зашевелилась куча земли. Ни секунды не раздумывая, стал разгребать кучу и извлек на свет капитана. Облик его был неприятным – весь в крови, форма изорвана и покрыта грязью, голова разбита, и это только на первый взгляд.

– Who is here?² – прошептал кэп.

Спасибо моим учителям по английскому! Владение английским было у меня на высоком уровне.

² Кто здесь? (англ.)

– Это я, сэр! Вас накрыло взрывом, сэр! – затараторил я по-английски и мысленно ахнул. Я так бегло и совершенно без акцента на английском не говорил! Что за чертовщина?! Млин, я уже боюсь...

– Пауэлл, это ты? – Ухватив меня за рукав, офицер открыл глаза и уставился в предрасветное небо. Он же ничего не видит! Зрачки расширились до такой степени, что я не вижу радужки. – Что случилось? Где сержант Хэнрикс? Где Джэймисон?

– Вы ранены, сэр! – Подложив под голову капитана свою куртку, я осторожно осмотрел его раны. – Мы попали под артиллерийский обстрел, мне кажется, что все убиты, сэр... Я поищу, чем вас перевязать, сэр. Потом осмотрюсь, может, есть еще выжившие. – Блендамет мне в зубы, да где я так настропалился шпарить на безупречном английском?! Да, я знаю английский язык, но не так, чтобы спокойно, без раздумий болтать на нем, как на русском!..

– Это и правда война... Как и говорил Кейси... Но... Мы не нашли его...

Все, отрубился. Надо бы перевязать кэпа. Индивидуального перевязочного пакета в карманах ни у меня, ни у ближайших мертвых амеров не нашлось, зато я нашел обезглавленный труп того самого Пауэлла, свалившийся в воронку. Непонятно почему, но я был уверен, что это именно он. Его надо было тщательно обыскать, пока есть время на это, но жуть от зрелища сильно отталкивала. Не так уж это и легко залезть в карманы трупа без головы. Вокруг постепенно начиналось шевеление – оживали контуженные бойцы, и вскоре начнется суeta. Преодолевая психические барьеры в голове, пачкаясь в пропитанной кровью земле, вытряхиваю все, что только было в карманах первого лейтенанта, и рассовываю по своим карманам. Удостоверение и какая-то бумага с печатями. Открываем и смотрим в удостоверение. А ничего, похож, даже очень похож, и зовут меня теперь Майкл Пауэлл, угу, на первое время сойдет. На большее рассчитывать не стоит. Во второй документ не заглядываю – времени нет, – все бумаги быстро прячу в нагрудный карман. Нахожу еще мелочовку – жвачку, блокнот с карандашом, пару конфет без обертки, которые я тут же сжевал, не ощутив вкуса. Так, все эти мелочи мне понадобятся. В боковые карманы их, потом разберусь. Что там еще?

Все происходит быстро, руки трясутся, но выполняют требуемые действия. Судорожно оглядываюсь по сторонам: так, никто из «местных» еще даже не встал с земли. Вроде бы все, карманы пусты! Стоп, а жетон? Собачий жетон... Он же на шее, которая уже не держит головы погибшего лейтенанта.

Стараясь не уделять внимания тому, что кровь еще льется, ищу и нахожу цепочку жетона.

Проклятье! Проклятье! Все руки в крови! Стягиваю цепочку с жетоном и безглаголю протираю ее о форму погибшего. Так, теперь я – Пауэлл, и на то есть все доказательства. Быстро жетон себе на шею... С телом что делать, черт? Все же лишние вопросы появятся: откуда взялся еще один американец? Черт! Опять оглядываюсь, метрах в пяти в стороне на ноги поднялся шатающийся солдат, он стоит спиной ко мне и не видит, что я тут делаю. Будем надеяться, что соображалка к нему вернется не сразу. Ногами обваливаю края воронки, погребая тело. Быстрее!.. Достаточно, тела не видно. Фух!.. Вдох сопровождается дрожью во всем теле... Дальше что делать? Думай! Так, собрать с остальных убитых американцев документы. Они мне пригодятся...

Собирая документы, я дополнительно обрывал по одной части жетонов: так положено. Если потом тела все же заберут, наши это сделают или американцы, то их можно будет опознать по жетонам. О, уже голоса слышны. Все, заканчиваю с телами погибших, пора помогать живым. Разум медленно очищается: удивительно, конечно, вокруг такое творится, а я уже «отхожу» от этого. Сила разума человека двадцать первого века? Наследие кровавых фильмов и сотен тысяч убитых в виртуальных баталиях врагов? Да черт его знает, сейчас не об этом думать надо.

Вскакиваю и направляюсь осматривать ближайших раненых. Внимания на меня почти никто не обращает, лишь когда я помогаю подняться на ноги контуженному пограничнику, запыленному с ног до головы, ко мне со стороны зданий подбегают двое бойцов и быстро принимают на руки раненого.

– Там на площадке еще есть раненые, им нужна помощь. Скорее.

Мне что-то отвечают, но я уже не слушаю, а взглядом ищу, что можно пустить на бинты. Пришлось побегать вокруг зданий и пару раз столкнуться с пограничниками, выглядевшими не лучшим образом. В конце концов удалось найти разбросанное белье – видимо, раньше оно висело на натянутой веревке меж столбиков. Быстро подхватив с земли несколько белых рубашек и подштанников, возвращаюсь на площадку. Постепенно дисциплина и здравый смысл начинают брать верх над испугом. Несколько бойцов быстро оттаскивают к зданиям раненых, мертвых пока не трогают. Один из пограничников быстро осматривает раненых и в меру сил оказывает помощь, ему отдаю одну рубашку на бинты. Контуженый, которого я видел, когда обыскивал и прятал труп Пауэлла, сидел на земле и, обхватив голову, подвывал. От него без пользы чего-то добивался младший сержант.

– Товарищ младший политрук!

Ага, политрука не хватало только. Хотя хрен с ним, ничего он мне не сделает. И вообще мне нужно кэпа перевязать. Действовать надо, действовать. Решительность – вот залог успеха.

Перевязываю капитана и ненавязчиво перехожу к быстрому обыску: мне надо знать имя своего командира. В нагрудном кармане нахожу армейское удостоверение на имя Роберта Брауна 1910 года рождения, а также справку, похожую на ту, что была в кармане Пауэлла.

На плацу уже дикая суeta – откуда-то взялось много выживших и способных еще передвигаться. Истории нет, но вот неразбериха встает в полный рост. То тут, то там вскипают и затихают мгновенные перепалки. На плац из здания с вывеской о том, что это пограничная застава, выскочил здоровенный такой бугаина с четырьмя треугольниками на воротнике. Старшина, значит. Чую, сейчас будет нам дисциплина...

– Застава! – заорал он тяжелым таким, мощным голосом, обращаящим на себя внимание. – В РУЖЬЕ!!!

Мир словно содрогнулся – вся неразбериха мгновенно рассыпалась на осколки, и появилась Цель! К старшине подбежал худощавый солдат с разбитой головой, в изорванной и местами окровавленной нижней рубашке. Только чистые сапоги и словно выглаженные форменные бриджи выглядели странно.

– Товарищ старшина, пирамиды в казарменных помещениях завалены, доступа к ним нет! – затараторил пограничник.

– Разобрать завал, достать оружие! Бегом!!!

Боец ускакал к зданиям выполнять приказ – наверное, там и есть казармы. Старшина огляделся и на мгновение заострил внимание на мне.

– Сидорчук! – Младший сержант, добивавшийся от политрука приказаний, подлетел к старшине. – Быстра-а подготовь носилки и вынеси к оврагу всех раненых! Возьми себе кого-нибудь в помощники, быстра-а!!!

Капитана я уже перевязал и, не зная, что делать дальше, подошел к старшине.

– Первый лейтенант армии США Майкл Пауэлл. – Честь при непокрытой голове не отдаю, поэтому протягиваю руку для рукопожатия. Старшина оценивающим взглядом проходит по мне и лишь потом сковывает мою руку сильным рукопожатием.

– Старшина Николай Бобров. Вы один из инструкторов? – кивнул он куда-то в сторону штаба.

– Да, – не задумываясь, отвечаю. Лицо старшины разгладилось, и он, вздохнув, спросил:

– Из ваших остался кто в живых?

– Да, капитан Браун жив, но он сильно контужен и сейчас без сознания. Все остальные мертвы. В том числе и наше сопровождение...

На четыре труп американских офицеров, исключая мою подмену и выжившего капитана, приходилось трое сотрудников ГБ. Это было сопровождение иностранных гостей. Лежали они плотно с заморскими инструкторами, почти вперемешку. Раньше я их не заметил в наступившем хаосе, но теперь сделал себе зарубку на память.

– Вы приняли на себя командование? – Старшина кивнул. Надо решать что-то для себя, выбирать путь, по которому придется идти. – Чем я могу вам помочь?

Бобров задумался.

– Возьмите на себя руководство по разбору завалов и извлечению оружия.

Оружие – это хорошо. Кивнув, я побежал к зданиям, названным казармами. Позади опять забасил старшина, раздавая приказы своим бойцам. Правильно, надо быстрее готовиться. А ведь только что он, считай, наделил меня реальной властью в том виде, в котором она сейчас может быть: командование.

В казарме тот самый боец в чистых бриджах и сапогах со своим товарищем разгребали завалы. Когда я подскочил к ним, они обернулись и удивленно посмотрели на меня.

– Первый лейтенант Майкл Пауэлл, – представился я. Хотя, может, это и лишнее. – Старшина Бобров послал меня к вам в качестве руководителя. – На правах старшего по званию (пару минут назад я из сержанта запаса еще не существующего государства стал целым первым лейтенантом армии США – обалдеть!) и, видимо, по возрасту я добавил в голос уверенности. Сталь в голос добавлять я с армии научился. Глупые мысли, конечно, но от происходящего отвлекает.

– Боец Гарчук. Петр Гарчук, – отозвался пограничник в рваной рубахе.

– Ефрейтор Степанов. – Второй боец, лихими ударами лома откалывая от рухнувшей стены куски, произнес свое имя: – Виктор.

– Инструменты есть? Вижу, лом есть, а еще что-нибудь? – Надо проявлять инициативу и руководить в меру сил.

– В хозпостройке есть все, что надо, – как-то неуверенно произнес Гарчук.

– Ну, так чего стоишь, солдат? Бегом за инструментом и приведи еще кого-нибудь нам в помощь.

Пограничник пару секунд думал, глядя на меня, но потом сорвался с места и побежал за штаб.

Ну-с, приступим! Быстро скинув с себя куртку, повесил ее на торчавший из уцелевшей стены гвоздь. Закатав рукава рубашки, я быстрыми движениями принялся раскидывать обломки, отколотые Степановым. Через минуту вернулся Гарчук в сопровождении двоих пограничников, вооруженных еще одним ломом и двумя лопатами. Дело сразу же стало спориться, мы быстро раскрошили и выбросили на улицу большой кусок обвалившейся внутрь помещения стены. Как раз этой стеной была прижата пирамида, в которой стояли винтовки. Добрались до оружия быстро. Придавленную пирамиду поддели ломом с двух краев и приподняли. Я, рискуя оставить под завалом свои руки, на ощупь искал под обломками винтовки и извлекал их наверх.

Первая же самозарядка привела меня в состояние легкого ступора. В руках я держал не то послевоенный самозарядный карабин Симонова, только более длинный, с удлиненным цевьем, скрывающим газовозвратный механизм наполовину, без складного штыка и с отъемным магазином, не то автоматическую винтовку того же Симонова, просто неизвестной модификации: уж слишком сильно на это указывал характерный массивный дульный

тормоз. Долго размышлять над этим оружием не позволили, просто нагло отняв его у меня. Встряхнув головой, я вытащил еще несколько самозарядок и всего две «мосинки» с оптическими прицелами, к сожалению, разбитыми.

Затем нашлись и боеприпасы – россыпью и в пачках, а к ним и магазины с обоймами. Все, что удалось извлечь за первую пару минут, отдал Гарчуку и отослал его к старшине. Вскоре Петр вернулся еще с тремя бойцами. Выйдя на минутку передохнуть и продышаться от пыли, присел на ступеньки казармы и задумался.

Почему я так спокоен? Почему с легкостью принял окружающую реальность? Может, потому, что я всю свою недолгую, пока что недолгую, жизнь мечтал стать участником событий тех – нет, этих – времен? Эх, знать бы, почему так случилось...

Из казармы выскочили двое бойцов с очередной партией винтовок. Махнув рукой, указал им нести оружие старшине. Бойцы скрылись, из здания вышли Степанов и остальные бойцы. На мой взгляд, вопрошающий о ходе работы, Виктор скривился и с грустью заговорил:

– Пулемет вдрызг, диски тоже...

Вот это реально жалость! Без пулемета будет туго. Ага, вон на западе уже стрельбу слышно. Немцы на наряды пограничников вышли.

– Тогда бегом ко второй казарме: постараемся достать оружие и там.

Больше не говоря лишних слов, бойцы быстро направились ко второй оружейке, по пути завернув следом за собой вернувшихся Гарчука и двоих погранцов. Я, захватив свою куртку, побежал следом.

В развалинах второй казармы мы возились не так долго, как в первой – процесс был уже неплохо отлажен, – но оружия извлекли здесь меньше. Почти все винтовки были повреждены и не подлежали восстановлению, а вот пулемет был цел и... удивителен. На поверхность я лично извлек пулемет Дегтярева, пехотный, модернизированный... Да как модернизированный! Приклад поднят выше, и, видимо, внутри его скрыта трубка с возвратной пружиной, и есть пистолетная рукоятка с неплохим наклоном для удобного удержания при стрельбе. Вот те раз и два-с... Питание пулемета все так же происходило из дисков – их мы нашли дальше упакованными в слегка помятые металлические коробки по три диска.

Потом еще нашлись целых два ящика с гранатами Ф-1. А вот это хорошо! Сорок лучших в мире оборонительных гранат – это не хухры-мухры, с этим и повоевать можно. Боеприпасов удалось нарыть приличное количество. Удостоверившись, что это все и больше смысла тут лазить нет, я отдал приказ срочно возвращаться к старшине.

Нагрузившись боеприпасами и оружием, наша рабочая группа двинула не к плацу, а за штаб – так я про себя назвал здание с вывеской. Под стенами здания на земле сидели двое бойцов, в одном из них я узнал Боброва. Старшина что-то втолковывал пограничнику, дублируя свои слова указаниями на карте, и требовал от него осторожности. Это, наверное, посыльный: связи-то нет.

– Товарищ старшина, все, больше оружия не имеется. – Степанов приставил к стене ручной пулемет и коробки с дисками рядом с Бобровым. – Откопали еще два ящика гранат.

– Отлично. Степанов, оставь здесь пулемет и две винтовки с патронами и пяток гранат, а сам с бойцами хватай остальное и дуй на позиции. Так, Гарчук! Останься здесь.

Пограничники оставили «дегтяря», две винтовки с достаточным количеством боеприпасов и пять гранат старшине и отправились выполнять приказ, а я и Петр задержались.

– Старшина, вы направляете посыльного в отряд? – В голове у меня появилась мысль, как уберечь от гибели посыльного.

– Да, надо сообщить о ситуации на заставе. А что такое, товарищ инструктор? – Посыльный и старшина повернулись ко мне.

– Скорее всего, в вашем тылу уже работают вражеские диверсанты, посыльный может не добраться до отряда.

Бобров задумался, а посыльный посерел лицом.

– Есть идеи?

Прогрессивный мне попался старшина, настоящий. И главное, он не стал спрашивать: «Какие такие диверсанты?»

– Есть. По дороге передвигаться в одиночку очень опасно. От дороги нужно держаться подальше и продвигаться по лесу, по ручьям, по оврагам. Территорию вашего района, я думаю, вы знаете хорошо, сможете найти оптимально безопасный путь в стороне от дорог. И ни в коем случае не вступать в контакт ни с кем в округе, кроме солдат и офицеров, которых пограничник знает в лицо. По идее, такие меры безопасности могут помочь добраться до отряда.

– А почему думаете, что диверсанты уже работают у нас в тылу?

Рано я порадовался, что он вопросов не задает...

Слегка прищурившись, своими карими глазами старшина начал меня сверлить. В этих глазах читалось понимание, что началась война, а не провокация. Пограничники об этом точно знали и лишь ждали начала, поэтому он не сомневается в моих словах о диверсантах, – он что-то проверяет.

– Здание заставы пострадало наименьшим образом, значит, у вас должна была остаться связь с отрядом по телефону. Но вы посылаете бойца с сообщением, а не просто звоните по телефону. Поэтому я предположил, что связь по телефонному кабелю прервана, и это могли сделать только враги, перерезав кабель. А враги, нарушающие связь в твоём тылу, – диверсанты.

Эти умозаключения удовлетворили старшину.

– Запомнил, что инструктор сказал? – Посыльный бодро закивал, глядя то на Боброва, то на меня. – Вот и молодец. А теперь беги! Как можно быстрее доставь сообщение! – Боец убежал, а старшина, хлопнув себя по коленям, встал и обратился ко мне: – Ну что же, инструктор. Дай-ка мне свои документы.

Из меня как хребет вытащили. Коленки задрожали, сердце заколотилось в груди. Стало очень страшно: вдруг в документах что не так – и тогда тушите свет. Сглотнув вязкую слюну, извлекаю из куртки документы и протягиваю их старшине. Но на удивление старшина с ухмылкой возвращает мне ай-ди³ и оставляет себе справку.

– Ага, вы, значит, спец по стрелковой подготовке? – не отрывая взгляда от справки, старшина обратился ко мне.

Вот дубина, что же ты не посмотрел, что в справке! Может, он меня сейчас прощупывает – ошибусь я или нет? Была не была!

– Да, именно так. Специалист по стрелковой подготовке и обращению с современными видами стрелкового вооружения, – отбарабанил я и протянул руку, дабы забрать справку. Если не отдаст, то спускаем паруса и сушим сухари. Нет, нет! Думаем о возвышенном и ждем конца. Отдал! Ф-у-у-ух... Сдерживаю себя, чтобы не выдохнуть так же вслух. Блин, это покруче встречи с патрулем во время самоволки будет...

– Мне некого оставить прикрывать раненых. Из тридцати пяти бойцов заставы, не считая десяти ушедших еще с вечера в наряды, в строю на заставе осталось всего пятнадцать. Четверо ранены в разной степени тяжести. Младший политрук сильно контужен. Ваш капитан тоже... У меня нет лишних людей... А вы – стрелок-профессионал... – Понятно, просит взять на себя заботу о раненых. Логично: и последнего целого иностранного офицера ста-

³ ID – документ, идентифицирующий личность.

рается уберечь от опасности, и дополнительную, так необходимую боеспособную единицу находит для обеспечения защиты раненых.

– Я вас понял, товарищ старшина. Мне нужно оружие. – Момент истины. Момент, о котором я мечтал последние минут двадцать.

– Конечно.

Старшина взял самозарядку, пять пустых магазинов к ней и четыре пачки патронов и гранату. Восемьдесят патронов и «фенька». Великолепно! Главное – успевать снаряжать магазины. Придурок ты, Артур. Ты на войне! Тут не армейские учения, тут не клубные пострелушки в пейнтбол, и даже не страйкбол... Вокруг – настоящая война. Руки слегка дрогнули, принимая оружие. Точно, на войне... Придется стрелять и убивать. И возможно, придется умереть... Здесь. Старшина, глядя на меня, что-то прочел по глазам и, наверное, не так это понял:

– Вы что, не умеете обращаться с самозарядной винтовкой Симонова?

Все-таки детище Симонова. Это и хорошо, и плохо. Если это АВС-36, которую я просто не узнал, то дело швах, винтовка не очень надежна. Если же это нечто подобное СКС – то я в плюсе.

– Умею. Просто... – Заминка и попытка подобрать нужные слова. – Это война. Все, что происходит вокруг, – начало войны, товарищ старшина...

Бобров катнул желваками и кивнул, соглашаясь.

– Так, ладно, товарищ первый лейтенант, даю вам в помощь Гарчука. – Петр быстро подхватил винтовку, на которую кивнул старшина, затарился патронами и взял одну гранату. – Петя, поступаешь во временное подчинение товарищу Пауэллу.

– Есть!..

Стрельба на западе ослабевала, время икс приближалось. Не оглядываясь, я побежал к оврагу следом за Гарчуком. Он знал, где находились раненые. На ходу рассовал пачки патронов, магазины и гранату по карманам, винтовку перехватил обеими руками и присмотрелся к ней. Выглядит новенькой, даже нетронутой, но я уверен, что это оружие пристреляно и готово к боевому применению. По-другому у пограничников быть не может.

Соскользнув в овраг, я тут же приказал Петру найти позицию и следить за заставой и лесом слева и справа от оврага, а сам отправился проверять, как себя чувствуют раненые. Я не медик, но вот оказывать первую помощь умел хорошо.

Двое раненых были в очень тяжелом состоянии. У одного череп явно неестественно приплюснут и лицо синее, но дышит, хотя и очень слабо. Этому не выжить, а если и выжить неведомым чудом, то калекой он будет на всю жизнь. Черепно-мозговая травма у него капитальнейшая...

Второй тяжелый – с осколочными ранениями грудной клетки и брюшной полости.

Э, стоп! Он что, не дышит?! А пульс? Нету. Приплыли... Что с ним делать? Оттащить, что ли? И зачем? Просто накрою ему голову фуражкой политрука – все равно она ему не нужна, в бессознании он. Хм, неслабенько же его контузило. Сначала вскочил, за голову хватался, мычал даже что-то, а сейчас лежит себе и не отсвечивает. Ну, а мне это на руку: лишние проблемы с комиссаром мне пока не нужны.

Думаю, а сам осматриваю следующего раненого – этому повезло, правые рука и нога поломаны, голова разбита, но дышит ровно и кровью не истекает. Последний раненый пограничник выглядел лучше всех, даже лучше, чем политрук, на котором видимых ранений не было. Боец сидел, закрыв глаза, но по его позе было видно, что он в сознании: очень уж уверенно сидит, ровно. Когда я переместился к нему, он открыл глаза, подтверждая мою догадку.

– Как они? – кивок в сторону других раненых.

– Один умер, один в тяжелом состоянии, скорее всего, тоже не жилец. – Боец морщится. – Этот, – указываю на бойца с переломами, – правая рука и правая нога сломаны, но

жить будет... – Говорю, а сам пытаюсь понять, куда же ранен собеседник. Внешних травм вроде бы нет. Зато определяю его звание – в петлицах два эмалевых треугольника. Сержант. Коллега!

– Понятно... – задумчиво протягивает сержант. Потом, уловив мой взгляд, произносит: – Позвоночник, наверное, сломан. По спине обломком стены долбануло. Ног не чувствую вообще. – Теперь все ясно: и такое на войне бывает. – Я вообще до службы в медицинском учился, поэтому тебя и спросил, что с ребятами, а то я сам им помочь не могу... – с болью говорит парень. Его несложно понять: такие дела вокруг творятся, а он ничем помочь не может. – Меня, кстати, Федором зовут. – Руки у него работают, протягивает для рукопожатия.

– Майкл Пауэлл, можно просто Майк. – Крепкая у парня рука.

– Ты уж меня извини, что я с тобой без чинов общаюсь... Я знаю, что ты и по званию старше, и статус у тебя особый, но просто... Страшно мне, до дрожи страшно!.. Ведь мы проспали начало войны. Думаешь, с чего бы я это взял? Да все знали, все слышали, но ничего не делали!.. – Парня пробил шок, он начинает отходить, и его страх рвется наружу в этом разговоре «без галстуков». Ему нужно выговориться – пусть говорит. – А нас теперь вот так вот, спящих, как слепых щенят, обстреляли. Моих товарищей поубивали! Меня искалечили! Твари!.. – Все, сорвался, освободился, заплакал сержант. Пусть плачет – ему станет легче, – а мне надо закончить осмотр и приготовиться к обороне.

Капитан Браун, лежавший чуть в стороне от пограничников, все еще был без сознания, дышал ровно – значит, стабилен. Младшего политрука трогать я не решился: не до него сейчас, и я не психолог, чтобы экстренно вывести его из психоза.

Вернувшись к Петру, я посмотрел, как он устроился, и, удовлетворившись его вполне разумным выбором – ложбинкой под кустом, нависшим прямо над оврагом, пошел искать себе позицию. Нашел удобную в отроге оврага метрах в двадцати от места, где лежали раненые. Слева от меня в десятке метров, укрывшись в ложбинке, находился Гарчук.

Укрытие мое удобно: вода выщербила стены отрога, создав уйму удобных природных окопов, ведущих в глубокую траншею оврага. Впереди застава – она перекрывает мне обзор того, что происходит на поляне, куда ушли все пограничники. Я смогу только услышать бой. Слева – просека, на которой я оказался, попав в это время. Позади овраг, за ним лес. Справа – дорога, ведущая от заставы на восток. За дорогой – тоже лес.

Значит, так... Слева на меня не выйти незамеченным: там просека, много открытого места, и помощник следит. А вот лес за дорогой опасен для меня, да и для всех. Там просеки нет, немцы по нему скрытно обойти могут. Надо быть максимально внимательным и не зевать.

Положив перед собой винтовку, вытащил из карманов и разложил рядом магазины и пачки патронов.

Как мне говорили в учебке, стрелять из оружия и быстро менять в нем магазин несложно, а вот опустошить в бою все магазины и не суметь их переснарядить – опасно для жизни. Поэтому по очереди беру и заряжаю все магазины, попутно удивляясь их вместительности – 15 патронов: это есть хорошо. Прежде чем зарядить винтовку, открываю затвор и заглядываю, насколько возможно, внутрь. Блин, ничего не понятно, разобрать бы, но как? Ладно, доверюсь пограничникам и буду считать, что оружие, доверенное мне, не подведет. Магазин в приемник, затвор снять с задержки. Заряжено и готово к бою. Оставшиеся россыпью патроны убираю в карманы. Прикладываюсь к оружию, проверяю сектора, поворачиваюсь туда-сюда, смотрю, не мешает ли винтовка двигаться. Нормально вроде. Ну все, приготовился. Теперь ждать, ждать...

Стрельба постепенно приближалась с запада. С минуты на минуту бой нахлынет на заставу. А потом... Будет плохо. Это если старшина упрется рогом и примет решение стоять

до конца, дожидаясь подхода линейных частей Красной армии, то здесь, у границы, останутся все бойцы этой заставы.

Навсегда останутся.

А я не хочу! Нет, я не трус и однозначно хочу применить максимум своих знаний, чтобы приблизить День Победы, но не ценой своей жизни в первый день войны. Может быть, и придется мне умереть на этой войне, но не сегодня, не здесь! Если старшина решит стоять насмерть, то я уйду! Просто возьму и уйду. Может, удастся Гарчука за собой увести, а раненых придется оставить... Да и в плен к немцам мне попадать никак нельзя: очень много я знаю об этой войне. Поэтому сражаться и выживать, любыми методами!

Приободрившись, я с удвоенным усердием стал вертеть головой, стараясь углядеть в лесном массиве фашистов.

За заставой неожиданно и очень интенсивно начали стрелять. Сердце в груди заколотилось, стремясь вырваться на волю и свалить отсюда! Громыкнул несильный взрыв – значит, в ход пошли гранаты. Бахнуло еще раз, и кто-то дико закричал от боли. Перестрелка набирает обороты, пулемет пограничников стал стрелять реже, ему отвечали вражеские – их было два или даже три. Сражающиеся стороны постепенно перешли к размеренной стрельбе, и в конечном итоге через десять минут она утихла совсем.

От такого поворота событий я напрягся вдвойне, успокоившееся было сердце опять громко застучало, мешая своим стуком думать. Взглядом пытаюсь уловить все лишнее в густой зелени леса на той стороне дороги, потом поворачиваюсь и внимательно изучаю изменения на просеке, но ни там, ни там нет никаких изменений.

Лес все так же молчал, птиц не было вообще – их артиллерией спугнуло, – поэтому тишина была пугающая. Хех, тишина – это мне так показалось. Фоном всю дорогу была уже далекая, но отчетливо слышимая артиллерийская канонада...

Где-то слева, вдалеке истерично длинной очередью разразился пулемет и захлебнулся в шквале винтовочного огня. Кто кого накрыл, непонятно – не то наши фашистов прижучили и они в истерику впали, не то наоборот. Сейчас вообще разобрать что-либо однозначно невозможно – хаос, зараза...

Поток мыслей прервался: взгляд уловил движение за дорогой, и по телу словно пробежалось стадо мамонтов, руки и ноги ослабли, дышать стало невероятно тяжело, голова закружилась.

Опа, это кто?

Приглядываюсь и вылавливаю для себя отличительные элементы обмундирования и вооружения. Форма цвета хаки, коричневые ремни и под сумки, воротники с широкими петлицами не то черного, не то синего цвета, на головах конфедератки, в руках карабины маузеров, и у двоих МП-40... Поляки?! Не может быть, их же наши и немцы в 39-м раскатали! Как это? Да еще и с немецким оружием! Может, они под шумок пересекли границу и вышли сюда, надеясь на помощь русских пограничников? Слева кто-то зашелестел, и я оглянулся.

– Пшеки, чтобы их... Сколько их там? Восемь? Ничего... Немцы сами не рискуют пока лезть, вот и гонят союзников на мясо... – Немцы поляков вперед гонят? Поляки – союзники немцев?! Мысли просто взрывали мозг. Вашу мать...

– Что ты тут делаешь, Гарчук? На позицию! Сейчас они подойдут, и мы их прижмем. Огонь открывать только после меня, понял?

Боец кивнул и тихонько проскочил в овраг.

Притянув к себе винтовку, вжал приклад в плечо и поймал в прицел идущего впереди группы поляка с блестящими серебряными полосками на погонах и автоматом в руках. Второй унтер с автоматом замыкал группу... Так, до моего, то есть первого, автоматчика метров семьдесят, может быть, восемьдесят. Рано... Они не плотной группой идут, надо пропустить,

оказаться во фланге. Проходите, ляхи, проходите... Наконец я оказался во фланге. Прицел на минимальную дальность – тут прямой выстрел. Целью автоматчику в грудь.

– Не любил я вас, ляхи, и уж теперь точно не полюблю... – шепотом для самого себя произнес я. Глубокий вдох, медленно выдыхаю и плавно спускаю крючок.

Бах! Унтера крутануло и бросило на землю. Слева тут же щелкает два выстрела подряд, и падает второй автоматчик. Отлично! Откуда я стрелял, противники не заметили и открыли огонь по кустам слева и справа, считая, что укрыться я мог лишь там. С куста Петра посыпались листья и ветки, срубленные пулями. Козлы! Усталость в теле исчезла, а разум приобрел хладнокровный и кровожадный голос, затребовавший разделаться с ненавистными врагами. Перевожу прицел на крайнего поляка справа.

Бах! Промазал.

Бах! Конфедератка слетела с головы, и лях уткнулся лицом в траву. Готов!

Ой-ё!.. Рано радуешься, дурак! Прячься!

Пули уверенно стали вышибать передо мной фонтанчики земли. Пограничник несколькими выстрелами отвлек внимание на себя. Подходящий момент для смены позиции.

Нырнув назад в отрог, быстро отбегаю вниз, к оврагу, на ходу меняю магазин на полный. В стволе один патрон, в магазине пятнадцать. Все по уму. Метрах в пяти-семи от первой позиции заползаю в неглубокую рытвину и вновь готовлюсь стрелять. Вдох-выдох, выискиваю взглядом конфедератки, а их и нет. Интересно... Вместо рогатывок появились каски. Хитрые пшеки... Ага, зашевелились: в ответ-то стреляет всего один противник. Двое поляков привстали на колени и продолжили стрельбу.

Бах! Бах! Стреляю, целясь в грудь первому. Раскинув руки, противник подломился и рухнул набок. Попал! Быстро перевожу прицел на другого. А он уже пораскинул мозгами, словив черепом пулю от Петра. Минус четыре.

Господи, я лично три человека застрелил, а в голове пустота! Я сошел с ума...

Краем глаза вижу справа движение – и резко перевожу туда взгляд. Поляк бежит к оврагу, держа в руках длинную рукоятку гранаты.

БЛИН!

Бах! Бах! Бах! Бах! Да что же ты, зараза, такой везучий! Умирай же!

Поляк швыряет в мою сторону гранату и все же ловит пулю. Прыжком я отскакиваю назад в овраг. Взрыв грянул в стороне и явно не в овраге: я не ощутил ударной волны. Зато на голову посыпалась земля. В ушах слегка зазвенело, но даже так я слышал, как быстро стреляет Гарчук. Слева в овраг свалился кубарем поляк. Ах ты, тварь! Я никогда не был драчуном и всегда считал себя дипломатичным, уравновешенным человеком. Но сейчас мне хотелось просто голыми руками вырвать сердце появившегося предо мной врага! Мы были близко, в метре друг от друга. И сейчас мы будем друг друга убивать... Хотя у ляха есть одна проблема. Он, слетев в овраг, выронил винтовку, а я уже стою на ногах и оружия не выронил.

– Матка боска! – воскликнул он.

Дважды нажимаю на курок. Голову противника разнесло. Тьфу! Ужас! Ну, я и изверг... Плохо я себя знаю. Плохо... Так, в сторону лирику. Бегом наверх. Гарчук еще сражается.

Вылез я вовремя. Оставшиеся трое поляков, посчитав, что со мной все покончено, сместились ближе к оврагу и оказались примерно в пятнадцати метрах от меня. Они бодро стреляли по сменившему позицию Петру. Тут уж шиш вам. Вытащив из кармана гранату, отогнул усики и выдернул чеку. Так... Слегка разжимаю руку и позволяю рычагу со щелчком отскочить. Раз, два, три.

Н-на! Граната, перелетев через куст, описала дугу и упала чуть в стороне от залегших врагов. Бух! Кто-то из пшеков заорал. Вскинув винтовку, бью вместе с Гарчуком по оглушенным врагам. Еще пяток выстрелов – и все поляки умолкли.

Потом и у нас, и за заставой наступила тишина... Все? Переждав еще минуту, понимаю, что все кончено.

– Гарчук! Ты как? – крикнул я. И уж совсем неожиданным было для меня то, что боец тут же оказался рядом, вынырнув из оврага. – Напугал. Ты цел, солдат?

– Порядок, товарищ первый лейтенант. Так, в глаза земля попала, но ничего... Лихо вы их. Снайпер. И гранатой ловко сработали.

– Ага... Инструктор. По стрелковой подготовке. – Удивиться тут было чему. И правда, я стрелял на пять с плюсом по собственной шкале выживания. Убил и выжил... – Так, боец, надо с поляков оружие и боеприпасы поснимать. У меня гранат больше нет...

Порешили, что пограничник меня, если что, прикроет, заняв позицию в отроге оврага, а я сползаю, соберу нужное с трупов. На удивление меня не стало воротить от вида убитых, даже мертвый боец с разнесенной головой не вызвал никаких эмоций. Я уже в упор одну башку сорвал...

После трех ходок туда-сюда и шмона свалившегося в овраг поляка мы с Петром провели ревизию трофеев. Выходило следующее. В наличии шесть винтовок «Маузер 98К» и примерно четыре сотни патронов к ним, два МП-40 и восемь магазинов к ним, четыре сумки с гранатами-колотушками по четыре штуки, шесть штык-ножей, пистолет вальтер с полусотней патронов и тремя магазинами, револьвер «уибли» (охренеть – не встать!) и тридцать шесть патронов. Также фляжки и складные саперные лопатки – по восемь штук – и индпакеты разных размеров, два десятка. Нужным барахлом надо обживаться, и начало удачное. Документы с тел собрал в последней ходке, чем вызвал у помощника уважительный взгляд. Для себя лично прихватил с унтера кобуру для вальтера – и вскоре стал больше походить на офицера, повесив на бок кобуру с пистолетом.

– Так, боец Гарчук, бери себе автомат и занимай позицию. Продолжай наблюдение. А я к раненым...

С собой я прихватил второй эмпэшник и пару магазинов. Федор встретил меня вопрошающим взглядом.

– Отбились? Это были поляки?

– Да, Федор, отбились. Полякам ничего здесь не светит... Вот это немецкий пистолет-пулемет МП-40, тебе принес. – Светившееся от радости лицо сержанта изменилось и стало серьезным. – В магазине тридцать два патрона. – Я вытащил из приемника магазин и большим пальцем прижал верхний патрон. Он с легкостью ушел вниз. – Но их не снаряжают до конца, чтобы не ослаблять пружину. Здесь, наверное, тридцать. – Федор внимательно слушал и коротко кивал. – Магазин вынимается вот так, затвор взводится так. Нажимаешь вот здесь, у рукоятки, и откидываешь приклад. – Показываю, как разложить приклад. – Понял? Держи. – Сержант принимает у меня из рук эмпэшник и сноровисто повторяет несколько раз операции по перезарядке и раскладыванию-складыванию приклада.

– Но... оно мне надо? – приняв запасные магазины, спрашивает Федя.

– Надо, Федя, надо, – повторяю я фразу знаменитого актера Демьяненко из классической советской комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». – Ты же отсюда никуда не уходишь? – Федя скривился. – Слушай приказ. Охраняй раненых и наши тылы. – Федор даже слегка распрямился. – Молодец, а я пойду на ближних подступах с Петром вас охранять. Ты – мое тыловое прикрытие, Федя, – хлопаю бойца по ноге. Лицо сержанта неожиданно для нас обоих искривляет гримаса боли. – Почувствовал? – Боец, глотая слезы боли, кивнул и заулыбался. – Значит, поправишься! Скоро придет подмога. – Быстро осмотрев раненых, удостоверился, что все без изменений, и направился обратно к помощнику.

– Чуть не забыл, Федор, стреляй, если что, на поражение, не задумывайся. Только нас не подстрели... Хм... Вот что, если кто сюда будет идти, ну услышишь шорох, оклики

и спроси: «Кто идет?» Мы с Гарчуком ответим: «Это я, почтальон Печкин». Понятно? – Сержант кивнул и перехватил автомат. – Ну, давай, я пошел.

– Будь осторожен, американец! – кричит мне в спину Федор.

На этот раз я ушел подальше от раненых и занял позицию не в отроге, а в кустах рядом с оврагом. Петр залег в тридцати метрах слева. Нормально – и он мою позицию видит, и я его. Заранее осмотрелся, убедился, что в моем секторе все спокойно, выложил перед собой винтовку, пару полных магазинов, набил пустые и решил уделить внимание своему будущему в этом времени. Стрельба за заставой опять началась, но из леса никто больше не лез. Ладно, во-первых, надо было хорошо продумать мою легенду. Прежде изучим свои собственные документы.

Так, мой армейский ай-ди. Майкл Пауэлл, первый лейтенант, 5 января 1918 года, ага, значит, мне 23 года. Цвет глаз серый – у меня серо-зеленые. Но в зависимости от погоды, бывает, цвет меняется на голубой или зеленый. Волосы русые – идеально. Вес – сто семьдесят шесть фунтов... А это сколько? Кажется, в одном килограмме два фунта с четвертью... Значит, делим на два с четвертью. Восемьдесят? Ага, я вешу семьдесят девять, ну не страшно. Хотя худоват вояка попался... Да и я туда же... Как меня в армию тогда взяли с недостатком веса, не понимаю! Рост – шесть футов и пять дюймов. Та-а-ак... Это где-то... Метр девяносто пять. А я – метр девяносто шесть. Отлично, просто супер! Дата выдачи документов 4 декабря 1940 года. Запомнили...

Теперь второй документ читаем. Народный комиссариат внутренних дел СССР. Главное управление пограничных войск НКВД. Начало заманчивое... Временное удостоверение №... Хорошо идем. Звание: первый (старший) лейтенант армии США. ФИО: Майкл Джонатан Пауэлл. Должность: инструктор по огневой подготовке. Еще лучше. Действительно: с 20 июня 1941 по 20 августа 1941. Личная подпись... Жуткие каракули, а не подпись... Командир в/ч... Имя, подпись печать. Ого, вот это бумажка. С таким удостоверением и повоевать, и пожить можно! Тут и мое звание подтверждается, и полномочия есть. Отличная такая бумажка – жаль, конечно, что я резко в звании вырос: я ведь не офицер, я – сержант. Ну ладно, радоваться и горевать буду потом. Посмотрим документы остальных моих товарищей-инструкторов.

Джон Хэнрикс, второй лейтенант, двадцатого года рождения, инструктор по стрелковой подготовке. Коллега, значит, пусть по легенде он был моим другом.

Эндрю Джэймисон, первый лейтенант, восемнадцатого года рождения, инструктор по оказанию медицинской помощи.

Томас Никсон, штаб-сержант, девятнадцатого года рождения, физическая подготовка. Классика, блин: как сержант – так качила, и всех до посинения гоняет.

Генри Эйч Куимби – ирландец он, что ли? Штаб-сержант, девятнадцатого года рождения, еще один «физик». Ясненько. Кто и куда, разобрался.

А кто я?

Хм... Со своим знанием русского языка я уже засветился по полной программе.

Как это оправдать? Русская семья эмигрантов? Нет, тогда имя было бы русским или хотя бы фамилия. Мама русская, а отец американец. Да. Мама, будучи маленькой, эмигрировала с семьей в США еще в конце прошлого века. В десятых годах уже этого века вышла замуж за американского бизнесмена Пауэлла. Взяла его фамилию. Когда я родился, по обоюдному согласию мне дали американское имя. А все же откуда вы, товарищ первый лейтенант, язык-то знаете? Мама старалась со мной общаться по-русски. Да и бабушка с дедушкой тоже. И вообще я в основном крутился среди членов русской диаспоры в Нью-Йорке или каком другом городе. Поэтому так хорошо знаю язык. Короче, корни у меня русские, и душой я к России тянусь. Вот при первой возможности и попросился с группой инструкторов на Родину моих предков. И знание двух языков мне сыграло на пользу, вот я здесь и

оказался. Хотя к чему мне все это объяснять и кому, я вот не знаю. Бумаги у меня в порядке, а знание языка – это уже тонкости. Это сейчас обдумываю для себя самого, чтобы уверовать в то, что я – уже не я. Копни чуть-чуть – и рухнет моя легенда... Ох, беда...

Спрятав все бумаги в карман, вновь оглядываюсь по сторонам. Никого. А на заставе все стреляют и стреляют. Сколько уже бой длится? Солнце над горизонтом поднялось. Наверное, час-полтора уже прошло с начала перестрелки. Не догадался смародерить часы с того поляка-унтера: красивые у него часики были... А пофиг, не поползу я туда опять. Как же время растягивается, когда идет бой, даже счет ему точно не удастся вести. Интересно, добрался до отряда посыльный? Что за свист? Неужели?.. Мины?.. Подтверждением моим догадкам стали частые разрывы по ту сторону заставы. Эх, старшина...

А это что за пироги? Из-за развалин заставы один за другим, неся раненых, быстро двигались пограничники. Вывел старшина из-под молотков своих бойцов! Молодец! Уважаю! Перехватываю поудобнее винтовку и перевожу взгляд на лес за дорогой. Если поляки раз двинулись в обход через этот лесок, то никто им не мешает сделать это и вторично. Но нет, враги решили не рисковать или просто испугались: за дорогой ни один куст не шелохнулся. Все пограничники быстро двигались к оврагу. По пути некоторые из них махали руками в сторону укокошенных полейков.

Стоп, мне кажется или пограничников стало больше? Ладно, не до этого сейчас, надо Федю предупредить. Медленно отползаю назад к оврагу и соскальзываю вниз. Бегом добираюсь до тайника и на ходу, еще до вопроса, выкрикиваю фразу про Печкина и спокойно подсказываю к сержанту.

– Ну что там? Что за взрывы со стороны заставы? – Взволнованный Федор схватил меня за рукав.

– Поляки ударили из минометов, но пограничники вышли из-под обстрела и сейчас отходят к оврагу. Я пришел тебя предупредить, ну чтобы ты не подстрелил кого из своих по случайности.

Сержант облегченно вздыхает. Вот и ладненько. Сейчас надо встретить пограничников и проводить их к тайнику – раненых в их рядах я видел достаточно. Впереди процессии отступающих я увидел старшину, он соскользнул в овраг, а следом за ним спустились двое. Выживший заместитель командира заставы?! Хреново... А какая хотя разница? Играем дальше, война план покажет.

Подхожу к троице и протягиваю руку для приветственного рукопожатия пограничнику с тремя кубиками в петлицах. Коллега, значит.

– Первый лейтенант Майкл Пауэлл, инструктор по огневой подготовке, – представился я.

Старлей пожал мне руку, сильно так пожал. И в глаза смотрел так, что по спине мурашки пробежали.

– Старший лейтенант Аверьянов Алексей.

Познакомились однозначно, даже ледку добавили. Брр... В овраг в темпе, один за другим, спускались пограничники, последними пошли раненые, которых осторожно принимали и отводили-оттаскивали к тайнику. Гарчук подбежал к старшине, перебрался с ним парой фраз и вновь исчез. Вот же человек, как тень.

– Васильков! – К старлею подскочил коренастый сержант с перебинтованной головой. – Организуй бойцов, занимайте оборону. Пулемет и троих бойцов к дороге. Действуй!

Васильков козырнул и отправился выполнять приказ.

– У меня есть немного бинтов.

Я быстро стал вытаскивать из карманов трофейные ИПП⁴ и отдавал их старшине. Бобров с довольной ухмылкой сначала посмотрел на меня, потом на бинты, потом на Аверьянова. Старлей, кстати, тоже заметно одобряет мои действия. Старшина, приняв бинты, отправился к новоприбывшим раненым.

– Это вы с бойцом Гарчуком восьмерых поляков положили? – явно не веря в свои слова, спросил Алексей.

– Да, это сделали мы. Они вышли из леса с той стороны дороги и направились к заставе – наверное, хотели выйти в тыл к позициям отряда старшины Боброва. Мы с рядовым Гарчуком открыли огонь на поражение и в перестрелке уничтожили всех врагов. С убитых сняли оружие, боеприпасы и снаряжение. Вон оно лежит. – Указываю на кучу винтовок и снаряды.

– Неплохо... А тот поляк, что в овраге лежит? Расстреляли? – хитро прищурился Аверьянов.

– Нет, он прорвался, воспользовавшись моим замешательством после взрыва гранаты.

– Ясно... Отлично сработали, товарищ первый лейтенант.

Он назвал меня товарищем? Без иронии, без насмешки, без презрения к капиталисту в моем лице. Это интересно, когда же советские гуси стали капиталистическим западным свиньям товарищами?! Да и эти выкрутасы с появлением американских инструкторов на советской территории, да еще и в частях погранвойск! Чудны дела твои, Господи... Надо будет по возможности осторожно спрашивать народ. Для первого дня войны уж больно много странностей.

– Поляки! – чей-то возглас разрушил хрупкое состояние минутного спокойствия.

– К бою! – командует старлей.

Я всегда верил... нет – знал, что человек может обладать уникальными, сверхъестественными способностями. Мессинг, Ванга, Тесла... Эти люди – подтверждение моим взглядам. Но вот чтобы так, как этот Аверьянов, влиять на людей одними словами! Его призыв к бою даже меня, не подчиненного ему человека, с места сорвал и заставил занять позицию на склоне оврага. Лишь когда со стороны заставы стали появляться фигурки в угловатых конфедератках, я очнулся от этого своеобразного психического воздействия. Вот это да, вот так командир! За таким не то что на смерть пойдут – после смерти встанут и пойдут дальше!

А ляхи цепью двигались по развалинам и медленно приближались к нам. Слева и справа от меня заняли позиции пограничники. Сосредоточенные, опасные, сильные люди – война если и застала их врасплох, то встретили они ее горячо, преподнося незванным гостям раскаленный свинец и холодные штыки. Панов подпустили на дистанцию приблизительно метров в сто, может быть, восемьдесят, и единым залпом снесли первую цепь – взвод – за считанные мгновения. Подчистую! Поляки, шедшие во второй линии, впали в прострацию и даже ответного огня не открыли. Попадали на землю и стали расползаться кто куда. Правильно, ползите отсюда! Бойтесь нас! Все так ляжете!..

С развалин заставы неожиданно ударил пулемет. И ведь прямо по мне стреляет, сволочь! Скатившись в овраг, огляделся. Пулемет короткими очередями долбал по нашим позициям: большинство бойцов спустилось со склона. С левого фланга оттащивали тело одного из пограничников. Эх, еще один ранен или убит. А вот с правого фланга началось нездоровое шевеление. Кто-то позвал Аверьянова. Что там происходит?

– Наши... Наши!.. Наши! – волной прошла новость по рядам пограничников.

Что-о-о? От дороги явственно доносились гул движков и раскатыстое «ура!». Неужели сбылись мечты обычных пограничников, считавших, что через часок-другой к границе подойдут линейные части Красной армии? Неужели?! Меня разобрал смех. Непонимание, радость и доля безумия заставили меня смеяться.

⁴ Индивидуальный перевязочный пакет.

Теперь-то мы повоюем, великополюки долбанные... Теперь-то вам будет очень не смешно...

Пулемет на заставе закрыли быстро. Наш пулеметчик, заняв позицию, открыл подавляющий огонь, а через несколько секунд отвлекшийся лях словил пулю от снайпера. Бой закипел с новой силой... Еще минут десять, может, пятнадцать, враги раз за разом поднимались в атаку и рвались к нам по флангам, но каждый раз их встречали хладнокровным презрением и свинцом... Когда все утихло, они откатились за развалины заставы. Я безвольно уселся на дне оврага и огляделся. На правом фланге пограничников было больше всего, и выглядели они посвежее, чем бойцы Аверьянова. Точно подкрепление.

– Sir! – На поле боя, кроме меня, «сэров» больше нет. – Lieutenant!

Ко мне бегут двое. Белый и черный. В смысле, один из них человек европейской наружности, а второй – негр! Американцы. Еще через мгновение ко мне подбегают не двое, а трое солдат – третий, лейтенант РККА, был позади. Чуть вперед подается здоровый такой парнишка, мощный. А лицо как у ребенка – открытое, доброе. Нет, ну бывает так, а!

– Сэр! Сержант Кент Брок, медслужба Первой кавалерийской дивизии, – говорит здоровяк и с гордостью добавляет: – Первый отряд, сэр!

– Первый сержант Сэмуэль Кинг. Инженерный батальон Первая бронетанковая дивизия. – Чернокожий тоже не слабак, крепко сколочен. Лицо под стать общей форме, сильное, скуластое, подбородок массивный, мужественный. Сразу видно, старается человек оправдать гордое имя своей профессии – инженер!

– Первый лейтенант Майкл Пауэлл. Первая пехотная дивизия. – Единиц в этих американских названиях больше, чем самих названий, блин. Пока повторишь эти «first», язык отвалится. На лицах сержантов на мгновение отразилось удивление. – Зачем вы приехали сюда? Здесь слишком опасно. Кроме меня и капитана Брауна, из группы не выжил никто.

– Сэр, простите, просто после того, как началась бомбардировка территории отряда, мы по первой возможности вместе с одним советским офицером вскрыли арсенал и достали наше оружие. – Они что, привезли свое оружие?! Точно! У одного американца БАР, у другого – «М1 Гаранд». Офигеть. – Как и приказывал перед отъездом капитан Браун, мы готовились к возможному бою. Хотя, честно говоря, не очень-то мы верили в возможность нападения немцев и их союзников на СССР. – Сержант покачал головой. – Мы ошиблись. Все же Кейси был прав...

Опять Кейси? Кто это такой? Браун его упоминал, когда все началось, этот сержант его вспомнил. Он что, знал о грядущей войне? И они знали? Поэтому оружие привезли с собой? Стоп, неужели они говорят об Эдгаре Кейси, американском провидце?! А! Сколько вопросов – и ни одного ответа! Черт!

Сержант Брок тем временем продолжил:

– Потом прибыл солдат с заставы, – слово «застава» он говорил по-русски, пытался выговорить правильно, – куда еще с вечера уехали все офицеры. Он сообщил, что на границе идет бой и что там требуется подкрепление. Посовещавшись с нашими парнями, мы решили, что я и Кинг должны отправиться вместе с отрядом поддержки к вам на помощь. С большим трудом советские офицеры дали нам разрешение. Приставили к нам переводчика – и вот мы здесь, сэр. – Ну и фантастика тут происходит, я с этого чумею потихоньку. – Сэр, можно вопрос?

– Конечно. – В голове зародилось нехорошее подозрение.

– Так это вы прибыли последним рейсом с оружием вчера вечером? Капитан Браун говорил, что с опозданием прибудет последний офицер нашей инструкторской группы. Значит, это вы, сэр?

Пауэлл и я очень похожи. А в лицо они меня не признали. Что это значит? То, что они Пауэлла не видели. Мне это на руку. Хм... но интересно, с чего бы это простой первый

лейтенант приехал к отряду последним и при этом его не видели другие инструкторы?.. Что-то тут неладно. Такое чувство, что этот Пауэлл был неким особым элементом во всем происходящем.

– Да, это был я. – Играем ва-банк: терять все равно нечего. – Оружие без сопровождающих с нашей и советской стороны не пропускали...

Неожиданно для меня вперед подался младший лейтенант. Он с самого начала порывался заговорить, но безуспешно.

На плохом английском, медленно, чуть ли не по слогам, он все же заговорил:

– Первый лейтенант Пауэлл, я добавлен к группе инструкторы час и половина назад приказом командир... мм... моя военное подразделение...

Слушать это было жутко, сержанты-американцы скривились, и я, махнув рукой, остановил летеуху:

– Говорите на русском языке, так будет проще. Я говорю по-русски. – Как же его торкнуло: глаза навывкате, клювик распахнул, весь из себя шокированный. Брок и Кинг тоже выпали в астрал – ну где они еще увидят «своего», американского первого лейтенанта со знанием русского? – Как понял из вашей речи, вас полтора часа назад прикомандировали к отряду инструкторов по приказу командира вашей части. Как вас зовут?

– Э-э-э... Ага! – кивает он в ответ. – Я – переводчик. Младший лейтенант Иван Добров. – Коротко и при этом всеобъемлюще.

– Ясно, Иван... – Надо действовать решительнее. Как говорится, вопросы задаю здесь я. Перехожу на командный тон: – Младший лейтенант Добров, вы с сержантом Броком отправляйтесь к раненым. – Повторяю приказ, но уже на английском обращаясь к Кенту. Ответив мне обычным «сэр», сержант ухватил за рукав Ивана и направился искать раненых. – Кинг, вы остаетесь со мной... У нас тут... – Договорить не дали.

– Пауэлл! – Аверьянов машет мне рукой, подзывая.

Что случилось? Пойдем, посмотрим. Я и Кинг подходим к старлею и выясняем, что из отряда, кроме подкрепления, еще поступил приказ отступить.

– Посыльный, которого отправил старшина Бобров в отряд, вернулся и принес приказ об отступлении. – Старлей как-то скривился: ну правильно, чистое нарушение заветов советского командования об обороне. Единой стеной, обороной стальной не выходит, значит, или у советского командования иные планы? Еще пометку себе ставлю, что в этом времени уже существуют значительные отличия от того, что известно мне. – Кстати, спасибо за совет посыльному держаться подальше от дорог и не связываться ни с кем по пути к отряду. Он говорит, что видел из леса, как на двоих наших пограничников с соседней заставы напали сотрудники НКВД... Чует мое сердце, диверсанты это были...

Ждали чего-то другого? Бранденбург-800 или какая-нибудь подобная ему польская шушера действует по полной программе.

– Не за что. Раз есть приказ, то хочу спросить о плане отступления. Машин у вас в распоряжении сколько? – взял я с места в карьер.

– Три грузовика ЗиС-5. Трехтонные.

– Боюсь, какими бы грузоподъемными они ни были, мы все не поместимся. Есть идеи, как вывести всех?

Старлей с уважением посмотрел на меня и вкратце объяснил, что будем делать. В первую очередь отправим в отряд на машинах всех раненых и сколько сможем бойцов из тех, кто первыми приняли бой на границе и заставе: они уже сильно вымотались. Остальные бойцы единой группой отправятся пешком в распоряжение отряда. Машины по приказу старлея не возвращаются к заставе. Аверьянов начал требовать от меня, чтобы я забирал обоих сержантов-инструкторов и отправлялся в отряд вместе с ранеными. Он вроде как не желает рисковать иностранными гражданами. Отправить в отряд Кента и Сэма я был согла-

сен, а вот самому уезжать почему-то расхотелось. Не то чтобы не хотелось поскорее выйти в более безопасный район, а потом и вообще в тыл, подальше от фронта, но бросить Боброва и Аверьянова было бы... подлостью. Приглянулись мне эти предки, серьезные, сильные, только вот нет в их головах того, что есть в моей. И этими знаниями можно поделиться, а для этого надо общаться, учить. Пришлось упереться рогом, убедить Алексея: я инструктор и обладаю немалыми познаниями в военном деле, поэтому имею желание помочь ему и его отряду. Попутно еще обратил внимание на то, что мы уже минут десять – пятнадцать возимся, а минометы пока не ударили и поляки опять в атаку не пошли. Забоялись? Или просто сильно напряглись? Черт их знает, главное, что не нападают, – и то счастье. Так, это лирическое отступление, а суть дела иная. К разговору подключился старшина Бобров и огорошил меня задачей:

– Ну, так и покажи какую-нибудь хитрость, раз ты в делах военных соображаешь!

– Дайте мне гранату Ф-1. – Покажу им, что такое растяжка. Получив от Боброва желаемое, я приступил к объяснению принципов минирования гранатами с использованием лески, проволоки или веревочки. Удивил, вижу. Хм, то-то! – С немецкими гранатами, колотушками, такой фокус не прокатит. У них запал терочный.

– Ладно, уговорил, Пауэлл, пойдешь с нами. – Сломались, курилки! Знай наших!

Кинг и Брок встретили мой приказ о возвращении в отряд советских пограничников в штыхы. Типа: как это так, вы последний офицер, способный командовать, почему же вы не отправляетесь в отряд, и тому подобное. По поводу слов о последнем офицере, способном командовать, я переспросил. Оказалось, что в расположении погранотряда остались инструкторы только в сержантских званиях. А все офицеры, кроме меня и контуженого капитана Брауна, скопытились безвозвратно. Браун пока у нас балласт и не скоро сможет принять бразды правления, поэтому я единственный офицер, способный командовать отрядом инструкторов. Дела... Хм, ну раз единственный ваш командир, тогда я вам прикажу!

– Слушайте приказ! Сержант Брок, вам как медику приказываю следить за состоянием раненых советских пограничников и за вашим непосредственным командиром капитаном Брауном. – Проникнувшись серьезностью момента, сержант не посмел пререкаться и принял мой приказ. – Первый сержант Кинг, приказываю вам вернуться в расположение погранотряда с группой эвакуируемых раненых. Там на месте принять на себя командование группой наших инструкторов и до моего прибытия поступить в распоряжение старшего советского офицера, командующего пограничным отрядом. Раздайте всем инструкторам оружие и боеприпасы из привезенных запасов. Переводчик лейтенант Добров вам поможет организовать контакт с командованием пограничного отряда. Приказ ясен, сержанты? – В последнюю фразу добавляю больше строгости, а сам подсознательно вновь удивляюсь своим новым языковым возможностям – некоторых из тех английских слов, что я применял сейчас, я никогда не знал, а тут нате. И построение фраз, похоже, правильное. Дела-а-а...

– Да, сэр! Приказ ясен, сэр! Выполнять, сэр? – дружно загалдели американцы. Хотя, наверное, зря я с приказных тонов начал: первый сержант – это вроде старшины в нашей армии, то есть лицо серьезное и достаточно важное. С ним так не стоит себя вести... Ох, с этим потом разберемся...

– Выполняйте. И удачи.

В это время погрузка раненых уже закончилась, и машины, стоявшие скрытыми в лесу, ждали лишь последней отмашки. Я посмотрел на Аверьянова и дал знак, что все готово. Сержанты запрыгнули в машины, и небольшая колонна быстро двинулась в глубь территории Белоруссии. Может, кто свыше нам помог, может, нам просто повезло, обстоятельства так сложились, но после контратаки сил заставы и подкрепления ляхи вообще ничего не предпринимали до момента, как из нашего вида не пропали машины с ранеными. Только транспорт ушел, как их тут же прорвало! Мины посыпались с неба как град, они ложились

очень часто и плотно. Первый же разрыв заставил меня вжаться в землю и истово молиться. По спине стучали комья земли и обломанные ветви деревьев. Страшный свист оканчивался взрывом и порцией страха, криком души, мольбой о спасении! Не дай бог зацепит! Не дай бог зацепит!

БАХ!

ГОСПОДИ! Совсем рядом рвануло!

БАБАХ!

Секундная боль в голове и последняя мысль.

Зацепило... Темнота обняла меня и отодвинула в сторону войну, боль, страх...

Глава 2

Шаг за шагом

Мм... Как же болит голова! Ну, меня и припекло на солнышке. Нет, в следующем году не поеду в Кубинку на очередной «маскарад»... Чего меня так трясет? Меня что, несут? Открываю глаза и тут же сощуриваюсь: сквозь кроны деревьев в лицо бьют лучи яркого солнца. Щурясь, пытаюсь разглядеть окружающий мир. Лес. Слева, справа, сверху – лес. Та-а-ак, это уже становится закономерностью. Не удивлюсь, если меня сейчас назовут Ковпаком...

А?! Что я сейчас подумал? Стоп! По телу, как слоны, пробежались мурашки. Вздрыгнул я так сильно, что носильщики моего брэнного тела остановились и подали голос:

– Товарищ старший лейтенант! Американец очнулся!

Опустили меня на землю и тут же обступили со всех сторон.

– Живой! – воскликнул Аверьянов, склонившись надо мной. – Ну ты, американец, и сволочь! Вот говорил я тебе – уезжай вместе с ранеными! Нет, остался... Тыфу!

Да, огорчил я старлея, нехорошо получилось. Надо реабилитироваться. Осмысленно пытаюсь подвигать руками и ногами – нормально все вроде. Туловище тоже в норме, значит, цел, можно вставать! Резво пытаюсь вскочить, но вышло все донельзя отвратительно и бессмысленно. Едва успел я присесть, как меня вывернуло наизнанку в приступе рвоты. Все же вставать мне было противопоказано, с сотрясением мозга-то... ох! Ну и фонтан блевотины я выдал! Ничего ведь не ел давно, откуда столько?! Пограничники, матерясь, отшатнулись назад, а я, продолжая блевать, медленно поплыл в прекрасную страну – Бессознанку.

– Вот дурак-то... – Не согласиться с этим высказыванием еще из мира сознания я не мог. Правда, дурак, сознаюсь...

Второй раз очнулся, уже когда солнце не било в глаза, а светило откуда-то со стороны.

– Сколько времени? Где мы? – Интересно, это мой голос или я вновь куда-то переместился и еще переселился?

– Очнулись? – обратился ко мне голос справа. Медленно, не рискуя, как прежде, поворачиваю голову и вижу шагающего рядом с носилками Боброва. – Время, – смотрит на наручные часы, – двадцать минут третьего, мы уже недалеко от расположения отряда.

– Что со мной случилось? – Надо оценить мое состояние со стороны.

– Вас по голове деревом приложило... – Глаза мои полезли из орбит. – Его миной подрубил и на вас обрушило. Ох и повезло вам: деревце было так себе, тростинка. Будь оно потолще, убило бы. А так – только головой теперь маетесь. – Ну и ну. Вот где подумаешь о важности наличия каски! Как только будет возможность, добуду себе каску!

– Старшина, попросите носильщиков опустить меня на землю. Я себя уже лучше чувствую, попробую встать.

– Э нет, товарищ инструктор! Нельзя вам! – попытался сопротивляться Бобров.

– Остановите, я сойду.

Мысленно ухмыляюсь и жду, когда носилки опустят на землю. В стороне звучит голос Аверьянова, приказывающий нашей группе остановиться. Медленно приподнимаюсь на локтях. Постепенно начинает кружиться голова. Ничего, терпимо, и это странно: так быстро от сотрясения не отходят... Все же сохраняя темп улитки, сажусь и всем телом поворачиваюсь к Боброву и Аверьянову. Осторожно кручу головой и оглядываюсь. Ничего, резко, главное, не дергаться, а так нормально. Встаю на ноги, и меня подхватывают, прежде чем я успеваю упасть назад.

– Все в порядке, отпустите. – Бойцы нехотя, но отпускают меня. Стоим, нормально стоим. Делаю шаг, другой, в голове каждый шаг отдается болью, но не очень сильной. – Нормально, идти смогу. – Старлей недоверчиво глядит на меня.

– Может, ляжешь на носилки, Майкл?

Отрицательно мотаю головой. Ой... Фух. Нельзя так мотать башкой – оторвется на фиг. Так, кобура с трофейным пистолетом на боку, а иного оружия нет.

– Дайте мне оружие – и пойдем. Время не ждет. – Несогласие можно было с легкостью считать с лиц всех моих собеседников. Но оружие дали. Не СВС, а МП-40 и ремень с шестью подсумками с магазинами. Неплохо. Удобно и не очень тяжело. – Попить не найдется у кого? – Окидываю взглядом ближайших бойцов. Мне тут же протягивают алюминиевую фляжку в чехле. Делаю несколько глотков и возвращаю флягу хозяину. О, полегчало. – Спасибо. – Тут же весь наш отряд приходит в движение: пока я пил, Леха дал отмашку. Ну и я не буду отставать.

Через час мы вышли к расположению отряда. Где находится отряд, было понятно еще издали: стреляли в той стороне постоянно. Алексей приказал всем укрыться в лесу, а сам с двумя бойцами ушел вперед, на разведку. Уходя, он посмотрел на меня, потом на старшину, потом опять на меня и сказал, что я остаюсь за старшего до его возвращения. Плюс мне, жирный такой плюс. Доверие, значит, заработал, и даже хорошее доверие, если он мне своих солдат оставил на контроль.

Через двадцать минут разведка вернулась. Алексей весь сиял, словно пять копеек нашел! На небольшой совет тут же собрались я, старшина и сержант Васильков. Сержанта, кстати, на заставе в самые первые минуты после обстрела не видел, значит, он был вместе со старлеем в наряде...

Аверьянов рассказал такое, от чего я просто выпал в осадок, покрылся пеплом и перестал существовать вообще. Поляки уже при поддержке немцев не смогли войти в расположение погранотряда из-за мощной обороны! Шесть немецких танков и две польские танкетки уничтожены на подходах к КПП и на поле перед заставой, пехоты поляки оставили там до чертиков. Если и танки стоят битые на подходах, то, значит, у пограничников есть или противотанковые орудия, или танки. Одним словом, так просто в отряд враги не войдут, оборона там что надо. Это было в плюсе.

А были еще и минусы. Во-первых, силы противника концентрировались, по крайней мере, в лесу на западе от расположения отряда. Про север ничего не известно, но, возможно, со стороны Бреста тоже двигаются и группы противника. Упоминание о Бресте добавило еще один пункт к медленно складывающейся карте моего местоположения. Во-вторых, в ближайшем к отряду лесочке немцы развертывают артиллерию, Алексей смог разглядеть грузовики с прицепленными пушками.

– Что за пушки? Как они выглядят? Где разворачиваются? Сколько их? – прорвало меня.

– Эмм... – от такого напора мои товарищи по беде застопорились.

– Алексей, дай мне, пожалуйста, бумажку и карандашик.

На такой запрос Леха отреагировал быстро и вручил мне требуемые предметы. Быстрыми движениями я набросал нечто похожее на классическую немецкую ПТО⁵ «PaK 38» или «40» – все равно вид у них очень похож, а сейчас не это важно. Показываю набросок разведчикам.

– Точно! Две таких подтащили, и еще было три более крупные... Калибр большой у них был. Гаубицы, наверное. – Быстро рисую 10,5 см «leFH 18». Ничего в голову, кроме этой

⁵ Противотанковое орудие.

гаубицы, для первых лет войны у меня не лезет. – И опять в точку, товарищ инструктор! А вы откуда знаете, что за пушки мы видели?..

Волна напряжения мгновенно распространилась среди пограничников и коснулась меня. Я сжался от осознания своей тупости. Ну, с чего бы я это так неожиданно прозрел и предсказал, что за пушки видели разведчики? Придурок! Крутись, Артур! Теперь ты – это не ты! Ты офицер!

– Это самые распространенные виды немецкой противотанковой и гаубичной артиллерии, – удивляюсь я и делаю вид, что это вроде мои собеседники сморозили глупость. – Противотанковое орудие «РаК 38», – тычу карандашом в первый рисунок, – и 105-миллиметровая легкая гаубица. – Сработал мой наезд, пограничники замялись. – Ладно, сейчас иной вопрос. Немцы, выходит, готовятся обстреливать артиллерией позиции пограничников в расположении отряда. Присутствие у врага ПТО говорит о наличии в отряде танков. – Размышления о том, что у обороняющихся есть танки, взбодрили бойцов. Перевожу взгляд на Аверьянова: – Нужно захватить или уничтожить пушки, а потом прорываться в расположение отряда. Если будем просто прорываться, то вскоре немцы сначала перекопают весь отряд, а потом пошлют вперед поляков.

Машу рукой, указываю на восток, туда, где находятся обороняющиеся погранцы. В голове это движение откликается резкой вспышкой боли. Меня слегка скручивает, к горлу подкатывает тошнотворный комок. В руку неожиданно вкладывают холодную фляжку. Несколько жадных глотков облегчают состояние, и я поднимаю взгляд на Аверьянова. Старлей задумчиво чешет лоб.

– Нас не так уж и много, а артиллеристов в том лесочке поляки прикрывают... Как же мы взводом будем их атаковать? – Здоровое размышление, но без учета некоторых деталей.

– О нашем существовании противник не знает. – То, что я сказал «противник», вызвало одобрение у собеседников. Прежде я хоть и убивал врагов, но, наверное, делал это ради собственного выживания, а сейчас выражаю свое отношение к фашистской агрессии. – Насколько я знаю, пограничники – это высокопрофессиональные бойцы. Тем более советские пограничники относятся к войскам НКВД, а это очень серьезно. – Васильков и Бобров дружно приосанились, лица их засияли от гордости за родной НКВД. Алексей лишь скромно ухмыльнулся, одобряя мой «комплимент». – Вас целый взвод, и вы отлично вооружены. И вы не одни! Там, в расположении пограничного отряда, находится много таких же опасных солдат, как вы. И у них есть танки! Товарищ старший лейтенант, как вы думаете, командир отряда обратит внимание на такой неожиданный удар в тыл противника?

– Думаю, если мы подадим сигнал, то на нас не только обратят внимание, но и помогут, – с некоторым сомнением произнес старлей.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите мне лично сходить на разведку и оценить дислокацию и количество сил противника?

Алексей задумался, потом согласился, но с условием, что он и еще двое погранцов идут со мной.

Через пять минут мы лежали в зарослях кустарника и в бинокли разглядывали лес за дорогой. Немцы и поляки, словно ужаленные в седалище, даже не пытались быть незаметными и безумно бегали, выполняя известные лишь им задачи. На поляну вниз по дороге, ближе к границе, откатали гаубицы и стали их разворачивать.

Три орудия, запомнили и зарисовали в блокноте.

Там же нарисовал схематическую карту местности с пометками важных объектов. Кроме пушек отметил место временного складирования боеприпасов для орудий и небольшой лагерь на самом краю поляны с развернутой радиостанцией.

Рация – это очень хорошо и плохо! Ее надо будет брать обязательно.

А вот грузовиков, приволокших 105-миллиметровки, видно не было – наверное, ушли уже. Обратил внимание на то, что от границы в сторону отряда пару раз проезжали грузовики «опель», почти у самой опушки леса они сворачивали и скрывались в лесу. Пометив на бумаге все, что было возможно, на этом участке, мы сместились на восток и изучили место съезда грузовиков. Отсюда удалось разглядеть маскирующихся артиллеристов и их ПТО. С нашей позиции удалось рассмотреть по меньшей мере два ПаКа и расчеты. Артиллеристы – немцы, а пехотное прикрытие – поляки.

– Смотри, вон грузовики маскируют, – толкает меня в плечо Леха, когда я зарисовываю новые данные.

– Где? – Бинобль в руки – и следим за направлением. О! Я уже люблю этих педантичных нацистов. Пять грузовиков немцы размеренно маскировали в кустах в полусотне метров от дороги. Отмечаем и их на бумаге. – Думаю, это все... Уходим. – Уйдя метров на сто от места лежки, я останавливаю Леху. Двое пограничников тоже замерли.

– В чем дело? – Старлей удивлен и заметно напряжен.

– Все в порядке, просто я поразмыслил над раскладом и кое-что придумал. – Голова моя гудела, и я присел. – Если ты не против, я расскажу, что задумал. – Аверьянов, заинтересовавшись, присел рядом. Бойцы взглядом спросили у командира, что делать, и Леха отправил их к нашему лагерю. – Смотри, нам нужно прорваться в отряд, но пройти мимо такой цели, как эти батареи, мы не можем и не имеем права. Пройдем – и в отряде эти пушки натворят такое, что мы все пожалеем...

– Я уже это понял, Пауэлл, давай к делу, – с легким раздражением бросил старлей.

– Хорошо. Вот смотри, у нас такая ситуация. Батарея гаубиц развернулась на удалении от основных сил, тут примерно метров пятьсот – семьсот от них до позиции ПТО и пехоты. У гаубиц расчеты по пять человек – пятнадцать артиллеристов. Плюс еще пять – трое у радиостанции и двое у временного склада снарядов. Итого в общей сумме двадцать человек. Думаю, если обойти их с тыла, со стороны границы, группой из десяти – пятнадцати стрелков, то этот вопрос можно будет решить очень быстро. Радиостанцию желательно захватить, она пригодится. – Кружочком выделяю пометку радиостанции. – Одновременно с атакой на гаубицы начинают действовать еще две группы. – Черчу на схеме две стрелочки. – Одна, малочисленная, атакует стоянку грузовиков. Вторая, самая большая, от дороги начинает обстрел позиций ПТО. – Повторяю все на схеме. – Захватив стоянку, подаем сигнал первой группе, и та, уничтожив гаубицы, продвигается на соединение с группой у стоянки. Вместе эти группы ударяют в тыл по противотанкистам и пехотному прикрытию. Мы как бы всеми действиями рассеиваем внимание врагов, не даем им понять, где главная беда. Главное – действовать быстро и дерзко. Пусть враги думают, что нас здесь не взвод, а рота. Много шума, много агрессии. Но без лишнего фатализма – не лезем на рожон. Мы не главная сила в этом спектакле. Как только нашумим, надо подать сигнал в отряд. У вас там была рация? – киваю на восток. От этого движения в глазах на мгновение потемнело, и мир плавно поплыл, но я собрал волю в кулак и не отключился.

– Есть рация, ее месяц тому назад привезли.

Ответ меня удовлетворил.

– Тогда еще один вопрос: у тебя на заставе были бойцы, разбирающиеся в радиосвязи? Теперь Аверьянов задумался всерьез.

– Васильков и Ерошин, они до призыва были радиолюбителями в Минске... С немецкими рациями имел дело Васильков.

Прекрасно, есть еще и сведущий в вопросе солдат.

Теперь осталось достичь идеала во всей этой безумной затее с радиостанцией: нужно, чтобы радиолюбители разобрались с нашей немецкой рацией, чтобы смогли настроиться на нужную волну, чтобы передали в отряд запрос о поддержке и, главное, чтобы в самом отряде

рация была в порядке и нас услышали вовремя. Мечты, мечты... Однако это маленький, хиленький, но шанс!

– Тогда мы можем подать сигнал по радио. Это первый вариант. Второй – мы можем отправить в отряд посыльного, но не факт, что он доберется... А ракетница у нас есть? – Алексей кивает. – И в качестве третьего варианта мы можем попытаться подать сигнал ракетами и надеяться, что нас поймут правильно и пришлют на огонек помощь. – Вижу, старлей смеется. – Я что-то не так сказал?

– Скажи, Пауэлл, откуда ты так хорошо русский язык знаешь? И акцента у тебя почти нет. Да еще и всякие шуточки откалываешь.

Вы спросили, а мы ждали. Хотя сейчас в голове всплыла мысль о том, что я все же для этого времени говорю неправильно. Даже построение предложений, наверное, здесь немножечко, но другое. Это же у нас на иностранное происхождение легко списывается? Вот и ладненько.

– Мама у меня русская, еще до революции в Америку уехала. Вышла замуж за бизнесмена, то есть за частного предпринимателя, и в восемнадцатом году родился я. – Стараюсь говорить об этом с любовью и неким трепетом. Не знаю, выходит это или нет. – С малых лет вертелся как волчок в двух культурах. С бабушкой и дедушкой по отцовской линии приобщался к американской культуре и английскому языку. А с многочисленными русскими родственниками и друзьями мамы изучал историю России и русский язык. Так мне удалось изучить два языка... Ладно, хватит об этом, у нас на носу первая серьезная операция. – Слушал меня старлей внимательно и с пониманием. Значит, мой ответ его удовлетворил. Но в глазах у собеседника на миг появилось и угасло нечто... опасное.

– Верно... Но... Зачем ты мне одному рассказал свой план? Пришли бы к бойцам, я бы дал тебе слово. Идея-то у тебя очень дельная, и работать будем по ней, не думаю, что у меня вышло бы лучше, – удивился Леха. Врет ведь, смог бы и получше план придумать.

– Понимаешь, я же иностранец, да и офицер. – От упоминания слова «офицер» Аверьянов невольно поморщился. Ну а что поделать-то? Это у вас тут такие выражения попадают старорежимщиной, а там, «за бугром», это уставное обращение. – Командование РККА и пограничных войск признало мои полномочия в соответствии со званием, но я не командир ТВОИХ пограничников. Они будут слушаться тебя и принимать твои приказы, не мои. Я лишь инструктор. Понимаешь? – Он понял и явно одобрил мои слова.

– Ты мне нравишься, товарищ инструктор. Знал я, конечно, что американцы наши лучшие друзья, особенно после Договора Содружества тридцать восьмого года, но не думал, что вы настолько серьезные люди. Я тебя понял и сам изложу твой план. Но скажу, что идея принадлежит товарищу инструктору. Будем считать, что ты на время боевых действий являешься моим советником...

Что-то меня сильно-сильно зацепило в его словах. Точнее, все его слова меня очень зацепили!

Какой такой Договор Содружества между СССР и США 1938 года?! Это что за выкрутасы? Видимо, не ошибся я в своем сомнении по поводу неправильности этого прошлого. Тут с первых минут пошли несовпадения с историей МОЕГО мира, а уж после слов о Договоре я окончательно убедился в том, что это прошлое – альтернативное...

Вот тебе, Артур, и горячо любимые Конюшевский, Конторович, Логинов, Махров и Таругин с их альтернативной историей! В одном лице! Мать, мать, мать...

Мое лицо так сильно скривилось, что Леха заволновался.

– Майкл! Ты в порядке?

– Да... Все нормально... Голова гудит. – Встаю на ноги и ободряюще хлопаю старлея по плечу. – Пойдем обратно. Надо подготовить бойцов...

Через полчаса мы вышли на исходные позиции. Леха попросил меня возглавить группу для удара по позициям гаубиц. Захват радиостанции – это очень важно, а сам Леха должен вести основную группу...

Вот я и лежу в кустах, наблюдаю за шевелением у гаубиц и отбиваюсь от разозленных моим присутствием муравьев. Немцы заканчивали согласование своих действий на всех уровнях – у радиции долго ошивался командир батареи, постоянно записывавший что-то в блокнот. Наконец узнав все, что ему требовалось, офицер рванул к орудиям и стал бодро раздавать указания. Что это значит? А это значит, что вот-вот огненный шквал обрушится на погранотряд.

Но немцы со своими союзниками никак не учитывают того, что их меч на замахе перехватят дерзкие, но до сих пор живые пограничники.

– Товарищ инструктор... – подполз ко мне сержант Васильков. Он, как выяснилось, в тридцать девятом во время Освободительного похода часто пользовался трофейными польскими радиостанциями немецкого производства. Сейчас он в нашей большой игре вторая скрипка.

– Сержант, не называйте меня «инструктор», у меня есть звание. А то не по уставу выходит, – поправляю я сержанта, и он, ухмыльнувшись, начинает сначала.

– Товарищ первый лейтенант. Командир артиллеристов что-то забежал... Похоже, батарея сейчас стрелять будет.

– Именно так и есть. Нам это на руку... Первые выстрелы они будут делать пристрелочные. У них на передовой, наверное, есть корректировщик с рацией, а наша рация, – немецкую рацию у артиллеристов я уже считал нашей, – для обратной связи с корректировщиком. – Оборачиваюсь к напряженным бойцам первого отделения, готовым действовать. – Ну что, бойцы, после первого залпа пушек открываем огонь на поражение. Васильков, передать по цепи приказ второму отделению «приготовиться к атаке».

Тот план, что я придумал и рассказал Аверьянову на общем совещании час назад, был доработан. Кроме того, что моя группа должна уничтожить гаубицы, захватить радиостанцию, передать запрос о подмоге и двигаться на соединение с другими группами, она еще должна оставить тыловое прикрытие. Для этой цели я заготовил из гранат Ф-1 полтора десятка растяжек и провел для пограничников инструктаж по минированию такими зарядами. Заминируем тылы, оставим пару-тройку лучших стрелков и займемся своими делами...

Бух! Бух! Бух! Гаубицы выплюнули первую порцию снарядов по цели.

– Огонь!

Оглушенные выстрелами своих орудий артиллеристы никак не отреагировали на стрельбу. За несколько мгновений, перенося огонь от одной цели к другой, мой отряд вычистил всех нацистов у пушек. Лично я стрелял по радистам. Для этой цели специально экспроприировал СВС у одного из бойцов.

Того, что сидел на связи, я снял одним выстрелом в висок. Второй нырнул за рацию, но поймал пулю в ногу и выпал из-за укрытия. Пуля в грудь утихомирила его навечно. Третий радист упал на колени и поднял руки вверх. Пора приступить к завершающей стадии. Винтовку в сторону, МП-40 в руки – и вперед.

– Вперед! Пошли! Пошли! – Васильков по моей команде тоже было рванул, но я его остановил: – Сержант, держись рядом.

Пока бойцы продвигались к орудиям, я направился к радиции. Мерным шагом, с автоматом наперевес, постоянно оглядываясь, направлялся к радиции.

– Васильков, давай к радиции, бегом.

– Товарищ первый лейтенант! Артиллеристы уничтожены! – докладывает один из пограничников моего отряда.

– Отлично. Начинайте минирование. Васильков, давай связь! – тороплю сержанта, а сам бегу проверять выполнение задачи по минированию. Бойцы подтаскивают прямо под орудия ящики со снарядами и закладывают в них по гранате. Прицепили длинную веревочку к чеке гранаты и отошли к лесу. – Васильков!

– Нет связи! Нету! Одна немецкая тарабарщина! Нет ничего! Нужно разобраться... Тут все на немецком... – щелкая тумблерами, ответил сержант. – Отряд, отряд, говорит сержант Васильков. Прием. Отряд, отряд...

– Продолжай, сержант! У нас нет второго шанса! – Меня начало колотить, голова, прежде прекратившая досаждать болью, опять загудела. – Ладно, связывайся с отрядом, оставлю тебе первое отделение. Когда свяжешься, собирай рацию и отходи к стоянке. Тогда группа прикрытия подорвет пушки. Понял? – Кивок в ответ. – Отлично! Удачи! – Перехватываю эмпэшник и направляюсь к бойцам. На полпути мое внимание привлекли криком.

– Ракеты, товарищ первый лейтенант! – Я поднял взгляд и увидел над лесом ракету красного дыма. – Сигнал!

– Первое отделение, оставайтесь с группой прикрытия и сержантом Васильковым! – Бойцы дружно отделились от общей массы моего отряда и отправились к группе прикрытия. – Второе отделение! За мной!

Меня от моих же слов бросило в дрожь. Никогда не думал, что вести в атаку людей – это так страшно! Даже в армии на учениях не было такого! Все было не так. Там были лишь шутки по сравнению с настоящей войной! На мгновение показалось, что у меня нет бойцов рядом, идущих в бой. Я один!

Но вот шаг, еще один – и я слышу напряженное дыханиедвигающихся слева и справа пограничников. Их уверенность, сила и бесстрашие медленно, но верно передавались мне. Я даже перестал замечать головную боль.

– Стой! – вскидываю руку, заметив впереди, между деревьями, машины. – Вторая группа здесь, выходим!

– Третья группа здесь. – Из кустов справа вышел Бобров. – Товарищ первый лейтенант, ждали только вас.

– Ясно. Здесь уже разобрались? Машины проверили? – затараторил я. Вопрос с транспортом меня волновал очень сильно. Если подмога не придет, то тогда нам понадобится прорываться в отряд самостоятельно, и делать это пешком я не очень-то хочу.

– Да. Все грузовики заправлены и на ходу. В двух лежат снаряды, патроны, гранаты, мины и два миномета. В одном установлена малокалиберная зенитка, два грузовика пустые. – Зенитка – это хорошо, а уж установленная на транспорте – это вдвойне замечательно! Наверное, там двадцатимиллиметровый зенитный автомат «Flak 30», может быть, даже «38».

– Как дела у Аверьянова? – Взгляд мой невольно переключается на слышимый и видимый отсюда бой на опушке.

– Все в порядке, они гадов на себя отвлекли. Не дают им через дорогу перейти. А сейчас мы ударим. – Улыбка старшины приобрела жуткий звериный оскал.

– План немного изменился: оставляем здесь только водителей, прикрытием будет группа сержанта Василькова, они скоро подойдут сюда. Мы ударим сразу, – подмигиваю Боброву.

Звучит команда выдвигаться вперед, и, сделав всего пару десятков шагов, я погружаюсь в пучину боя. Впереди, за деревьями, мелькают фигурки польских пехотинцев. Слышны крикливые команды офицера, а может, и унтер так орет, требуя чего-то от подчиненных. Слева бахнула граната, и над головой свистнули осколки. Послышались возгласы на немецком.

Мне надо пробежать еще пару метров – так я с автоматом больше пользы принесу... Еще метр... Вот здесь! Упав на землю, отползаю к ближайшему дереву и устраиваюсь поудобнее, оглядываюсь по сторонам, оцениваю ситуацию.

Ох, е! Я на десяток шагов оторвался от основной группы... Хреновый из меня командир, надо не бравадой заниматься, а командовать... Тьфу! А, ладно, не назад же ползти. Меня просто не поймут...

Далеко позади громовыми раскатами раздалось несколько мощных взрывов. Это гаубицы подорвали, ага. Получается, либо Васильков связался с отрядом, либо ему это не удалось и он перестал тянуть резину. Сейчас это без разницы: бой идет. Перевожу взгляд в сторону противника. Появление пограничников удивило их, но не так чтобы сильно. Мгновение смятения – и враг уже действует как по уставу. Дисциплина, черт бы ее побрал.

Высовываюсь из-за дерева и ловлю в прицел торс ляха, поднявшегося для броска гранаты. Короткая очередь – и, вскинув руки, противник падает, а за него начинают мстить человек пять. Пули, с диким свистом вышибая щепу из моего укрытия, просто приказывали прятаться. Все, здесь уже засветился, пора менять позицию. Пару раз перекатываюсь через спину и проваливаюсь в небольшую яму.

Вот хаос! Немцы стреляют, поляки стреляют, наши стреляют... Все в порядке, шеф! Это война!

Только собирался поудобнее устроиться с автоматом, как меж деревьев впереди вырастает здоровый фонтан земли. В десятке метров от первого разрыва поднимается второй, а потом и третий. От такой неожиданной подлости враги начали завывать в голос.

– Panzer! Russische panzer!⁶ – Закричал кто-то из немецких артиллеристов.

Танки, значит, идут? Славненько, ой как славненько!

У позиций пушек началось шевеление. От компании немцев, укрывавшихся справа за бугорком, отделилось четыре фигурки.

А вот к пушкам не надо бежать. Не надо... Очередь по спинам осмелевших артиллеристов остудила порыв других смельчаков. Пограничники тоже стали стрелять ожесточеннее, не давая противнику воспользоваться пушками. За считанные мгновения численное превосходство противника перестало быть таковым, и три советских танка совместно с полуротой пехоты захлестнули позиции немцев. Ощувив на себе неприятные впечатления от удара с двух сторон, поляки в первую очередь, пачками, так сказать, приступили к сдаче в плен. Бросая оружие на землю, они поднимались и тянули руки к небу. Я, быстро работая руками, развернулся в яме и пополз по направлению к стоянке. Выполз прямо к Боброву. Старшина тоже не особо рвался навстречу бойцам, пришедшим на помощь. Слишком рискованно: легко можно получить пулю от разгоряченного красноармейца, не разобравшего, кто ты есть такой.

– Старшина, отходим к стоянке. Нам надо подготовить машины. Возможно, удастся утащить немецкие ПТО. – В глазах Боброва я прочел немой вопрос: «А как же быть с подмогой?» – Думаю, старший лейтенант Аверьянов разберется, вы к нему пошлите бойца, чтобы сообщил о нашей готовности вывозить трофеи.

– Угу... – пробурчал старшина.

Через пару минут мы вышли к стоянке, нас встретили уставным: «Стой, кто идет! Пароль!» Ответом на вопрос послужила фраза: «Тимур и его команда».

– Товарищ старшина! В грузовики погружены все трофеи: боеприпасы, оружие, ЗИП, продовольствие и саперные приспособления. Машины готовы для буксирования орудий противотанковой артиллерии, – доложил один из бойцов, подошедший к нам.

⁶ Танк! Русский танк! (нем.)

– Хорошо. Кудряшов, беги к товарищу старшему лейтенанту, сообщи, что мы готовы выдвигаться к позициям для вывоза трофеев и орудий. – Пограничник козырнул и, придерживая одной рукой висящую на плече эскаэску, бесшумно скрылся в кустах, откуда вышли я и старшина. Бобров продолжил распоряжаться, постепенно стоянка приходила в движение. У машин я заметил тех солдат, что со мной атаковали позиции гаубиц.

– Сержант Васильков! – позвал я, надеясь, что наш новый связист отзовется. – Где сержант Васильков? – спрашиваю у бойцов.

– Он на радиии сидит, там, за машинами. Хрен его теперь оттащишь! – дружно загоготали пограничники. Вот удивительна натура человеческая: мгновение тому назад ты можешь столкнуться со своими страхами, а уже сейчас – веселиться, забывая о том, через что ты прошел. А со мной что же случилось? Я так мало волнуюсь о том, что делаю. Убил уже с десяток людей, да, они враги всем нам, но они люди. И это меня уже не заботит... Как же легко сойти с ума...

Прислонившись спиной к колесу «опеля», сержант усердно крутил тумблеры на панели радиии. Прикасаюсь к плечу боевого товарища. Он невольно вздрагивает и поднимает на меня взгляд.

– Ох, напугали вы меня, товарищ первый лейтенант... Дурная рация у фашистов – пока разобрался, что к чему... Еле связался с отрядом. – Оправдания Василькова были лишними.

– Брось, сержант. Просто спасибо тебе. Спасибо. – Глаза пограничника полезли на лоб. – Ты был самой важной деталью нашего плана. Не получишь у тебя связаться с отрядом, – боюсь, большая часть бойцов так бы здесь и осталась...

– Э-э-э... – заклинило собеседника.

– Не напрягайся. Сворачивай свою шарманку и грузись. – Со стороны позиций гаубиц раздалось три негромких взрыва. Следом за ними грянул нестройный залп из винтовок. – Поторапливайся.

Мир засуетился с удвоенной силой. От дороги примчались два командира. Одного из них я узнал – это Аверьянов, второй был в танковом комбинезоне и танковом шлемофоне. При приближении я смог разглядеть петлицы командира, черные, два кубика и небольшой танк. Точно – танкист. Чумазый как черт, круглыми глазами он смотрел на наши трофеи и согласно кивал на все, что говорил Леха. А старлей заливался, требуя от танкиста выставить минут на десять заслон у позиций разбитых гаубиц, чтобы дать нашей группе время собрать все трофеи и уйти в отряд.

– Сделаем, товарищ старший лейтенант. Будет заслон, – соглашается танкист и с удовольствием так добавляет: – Эх, прижучили вы врагов, любо-дорого смотреть... – Козырнув, чумазый командир умчался раздавать цзу своим подчиненным. Леха обернулся ко мне и кровожадно улыбнулся:

– Разбили фашистов. Всех их разобьем... Да, так и будет.

Стало страшно за боевого товарища. Не дай бог шифер треснул и потек. Э нет, сомневаюсь я в таком исходе. Уж слишком пограничники серьезный народ, ко всему готовый и всегда опасный. Бывших и сумасшедших офицеров не бывает! Так что нечего за старлея волноваться, он в норме. Наверное...

Потом стало резко не до лирики. Пшеки и немцы с севера подтянули силы и начали мстить. С неба посыпались мины, в лесу нарастала перестрелка. Я судорожно заметался после первых разрывов мин в поисках укрытия. Спрятаться мне не дали – кто-то из пограничников запихнул мою тушку в кузов грузовика с зениткой.

И понеслась вода по трубам...

Грузовики пришли в движение, и мир за считанные мгновения стал похож на добротный фильм. Ну, это исключительно для меня, человека, родившегося и жившего в эпоху кино и телевидения. Все происходит довольно быстро, идея картины есть, но ее почти не видно,

она лишь для знатоков, а обывателям и так сойдет. Зато визуальный ряд очень красочный и эффектный.

Вот к машинам цепляют трофейные пушки, а в паре десятков метров падают мины. Красноармейцы и пограничники матерятся, кричат, кажется, вот-вот мины начнут падать прямо на их головы, – но нет, они успевают прицепить пушки к машинам и уйти из опасной зоны.

Еще мгновение – и колонна под прикрытием танков мчится по полю, поднимая тучи пыли, объезжая уничтоженные вражеские танки. Вслед беглецам стреляют, но есть ощущение, что удача на их стороне и они обязательно доберутся до цели – расположения отряда.

И вот кульминация сцены! Одна за другой грузовые машины проскакивают мимо порушенного КПП и влетают на территорию отряда. Ура, воскликнут зрители, а я лишь утру с лица пыль и вновь окунусь в реальность. Она у меня сейчас одна, и имя ей – война. Уже стихами говорю...

К грузовикам подбежало несколько командиров, по их приказу колонна разделилась: ПТО ушли в одну сторону, а мы в другую. Еще минута тряски – и после остановки поступает команда покинуть машины.

Спрыгиваю на землю и понимаю, что все же я пешее существо. Но впервые за много лет я не чувствовал себя разбитым, как это бывало раньше. Там, в моем времени, любая поездка на автотранспорте заканчивалась для меня плачевно, я синел, зеленел и вообще обращался в радугу, а желудок мой мечтал вывернуться наизнанку в знак протеста. Сейчас же – ничего, ни в одном глазу! И мнение мое же о судьбе моей, пешеходной, сейчас основывалось лишь на полном отсутствии удобств в кузове грузовика и на отбитых во время поездки частях тела. Вот так дела... Интересно, мой вестибулярный аппарат здесь работать стал как надо или что-то другое случилось? Да что же этих вопросов так много?

Мысли в голове роились и гудели с такой силой, что я выпал из реального мира и существовал какие-то минуты на полном автомате. Ко мне кто-то прибежал и повел к каким-то зданиям. По пути мне что-то говорили, но я ничего не понимал. Я все пытался переварить окружающую действительность. Она была неправильной. Не знаю почему, но у меня была полная уверенность, что все должно быть не так. Ну, например, не должен так легко меня воспринимать советский пограничник. Он хотя бы должен меня контролировать, наблюдать за мной, а не прислушиваться к моим советам по тактике и отдавать в подчинение группу своих людей для атаки на вражеские позиции. Не может старшина с легкостью доверять иностранному офицеру, кстати, очень сомнительному офицеру, оружие для охраны раненых бойцов. Все со мной так быстро входят в контакт, понимают меня, слушают. Нет, это все бредятина!.. Я, наверное, лежу с разбитой башкой у танков на полигоне в Кубинке. Хорошо так приложился и отдыхаю тихонечко. И головная боль якобы от удара по голове деревцем.

Ха-ха-ха!

Деревом по голове получил во время минометного обстрела! Видали? Ой, смешно! Сначала-то я поверил во все это... Эх, голова два уха... Ну, кто же теперь мне скажет, что значит это мое видение войны? Тут задумаешься о всяких историях, когда человек, выйдя из комы, рассказывал о своих странствиях по неведомым мирам, где, решив свои проблемы там, он смог очнуться и вернуться в реальность. Может, мне тоже надо здесь как-то найти свой путь? Тогда шалить не стоит, надо думать головой. Вдруг, если меня здесь убьют, я никогда не очнусь? Да, блин! Куда ни кинь – всюду клин...

– Sir! Are you okay?⁷ – обратился ко мне Кинг. Его я узнал сразу, как вышел из раздумий.

Черт, я и не заметил, как мы пришли в большую комнату. Позади открытая дверь, небольшой коридор с еще несколькими дверями и выход на улицу. Комната переведена из

⁷ Сэр! Вы в порядке? (англ.)

разряда жилых помещений в небольшой склад. Несколько разобранных металлических коек сложены в углу, матрасы скручены и навалены сверху на койки, вдоль стен расставлены ящики с маркировкой армии США. Посреди комнаты стоит небольшой стол, на нем десяток банок тушенки и столько же буханок хлеба. Желудок тут же призвал голову к ответственности за нарушение режима питания. Поем, когда с делами разберусь... Осматриваюсь дальше. Два американских сержанта сидят на ящиках справа, оба при оружии – у одного автоматическая винтовка Браунинга, у другого винтовка Спрингфилд с оптическим прицелом. Рядом со мной стоит лейтенант Добров – так это он был моим сопровождающим? Понятно. Все напряженные, но не напуганные.

– Сэр? – уже не так настороженно обратился ко мне Сэм.

– Все в порядке, Кинг, – ответил я, переходя на английский. – Доложите обстановку, первый сержант, – добавив немного строгости в голос, требую я.

– Конечно, сэр, – с облегчением вздохнул собеседник. – По вашему приказу я и сержант Брок вернулись в расположение отряда пограничных войск в составе автоколонны...

– Короче, первый сержант, – пришлось прервать доклад: ну не люблю я размазанной уставщины в объяснениях.

– Хорошо, сэр, – согласно кивнул Кинг.

– Реже говорите мне «сэр». Сейчас не те обстоятельства, чтобы так бодро мне показывать вашу выучку. В ней я уверен, так что будьте немного проще, сержант, – доброжелательно постарался я очертить рамки дозволенного в общении со мной. Этим я сильно ударил по мозгам Сэма и тех двоих молчаливых бойцов, сидящих на ящиках. Глаза их на лоб полезли, а челюсти послушно поддались силе гравитации. Логичная реакция чернокожего солдата середины двадцатого века на такое очень лояльное обращение к нему белого офицера. Похоже, дискриминация по расовому признаку для чернокожего дело обычное. – Теперь докладывайте. Начните с момента, как вы отправились с ранеными в отряд.

– Да, сэр. – Я слегка поморщился, ну да ладно, исправится боец. Хотя чего я в чужой монастырь со своим уставом?... А, ладно. – Мы отъехали примерно на пару миль от заставы, и нас обстреляли на дороге. Поляков было немного, и нам с боем удалось прорваться. Когда мы добрались сюда, здесь уже вовсю кипел бой. После короткого артобстрела силы противника при поддержке танков атаковали отряд с севера. Мы успели въехать в расположение, и с северо-запада ударила еще одна группа немецких танков. Передав всех раненых и капитана Брауна под присмотр местного врача, в медицинский пункт, следуя вашему приказу, я вернулся к группе и начал готовить парней к бою. К тому моменту русские помогли нам организовать здесь небольшой временный штаб и пункт снабжения группы. – Это хорошо, что сержанты попались мне инициативные. И склад организовали, и пункт боепитания, и штаб, вон еще продукты в наличии. Вообще американцы к вопросам снабжения всегда относились с серьезным вниманием, вот и сейчас они подтверждают свою озабоченность в таких делах. Все сделали, чтобы потом не засорять голову вопросами: «Чего жрать? Чем стрелять? Кого об этом спросить?» – Всех инструкторов я вооружил, они сейчас в соседних помещениях ожидают приказов. – Киваю, даю собеседнику понять, что приказы будут. – Далее в соответствии с приказом я поступил в распоряжение командования пограничным отрядом до вашего возвращения. Но никаких точных указаний мы не получили и ожидали вашего возвращения, сэр. – Пока Сэм Кинг выкладывал всю эту информацию, я обратился к сидящим сержантам с запросом на пистолет-пулемет Томпсона и кольт 45-го калибра.

Безумие безумием, а оружие – моя страсть. Даже если все это игра большого разума, я ни за что не откажусь от удовольствия подержать в руках оружие. Тем более если это мое любимое оружие! Мечта!

Одним ухом слушаю Сэма, а сам внимательно наблюдаю, как на зеленую крышку ящика сначала легло вороненое тело автомата Томпсона модели 1928 года с горизонтальным

цевьем вместо гангстерской рукоятки и без оребрения ствола. Рядом расположились четыре диска в подсумках. Сержант ткнул в них пальцем и сказал:

– Они уже заряжены.

Отлично у них тут все устроено – оружие готово к применению. Пора избавиться от лишних стволов. Скинул с себя эмпэшник и ремень с магазинами к нему. Хорошая вещь этот немецкий автомат, но от мечты не откажусь. Все, прощай трофей, привет, «томми»!

Сэм закончил доклад, и я тут же задал ему вопрос:

– Как дела у капитана?

На ящик тем временем лег «Кольт 1911» и три запасных магазина. К вальтеру теперь добавился лучший пистолет всех времен... Счастье ты мое ненаглядное! Кобура у меня есть, кармашки для магазинов тоже. Иди сюда, золотой ты мой...

– Капитан в порядке, сэр... – слегка замялся боец, уловив мой влюбленный взгляд. Не понять тебе моей трепетной любви к этому оружию. – Пока мы ехали сюда, он дважды приходил в себя и пытался расспросить нас о происходящем. Я сказал ему, что знал.

– Не успел я обвешаться оружием, как на ящик легли две рубчатых чушки оборонительных гранат Мк-2. Классический «ананас».

О-о-о... А это уже очень серьезно. Интересно, это как так советское правительство и командование разрешили иностранным инструкторам привезти с собой ТАКОЙ арсенал? Автоматическое оружие, снайперские винтовки, гранаты... Интересно, а пулеметы есть?

– Понятно, сержант. – Желудок протяжно загудел, отказываясь заводится.

– Вы бы поели, сэр. – Сержант, что выдавал оружие, начал выкладывать еще и пачки с патронами. Да, снабжение на высшем уровне. Но жаль, что это временно... Закончатся эти припасы – а дальше что? Нет поблизости американских складов. Нету!..

– Да... Думаю, вы правы, сержант...

– Сержант Рэймонд Бо, сэр, – представился он.

Тут же оживился второй молчаливый сержант:

– Сэр, сержант Чарльз Бо, сэр!

Похоже, братья. Повезло им... И одновременно не повезло. Убьют одного прямо на глазах второго – и как с этим потом жить?

Мысль о братстве больно кольнула в душу. Мой родной брат, Сергей, далеко. Родители тоже далеко...

– Братья? – Вопрос все же стоит озвучить.

– Так точно, сэр! Родные братья, – улыбается Рэймонд. – Вы присаживайтесь, сэр. Поешьте. – Ловким движением сержант вскрывает банку с тушенкой и отрезает мне ломоть хлеба. На стол легла небольшая ложка, и я быстро устроился на ящике рядом со столом. – Кроме этих мясных консервов и хлеба, у русских на скорую руку не нашлось ничего. Так что не обессудьте, сэр.

– Эх, привыкли вы к хорошему, своевременному питанию, ребята, а тут вам нате войну и нарушение всех графиков! Думаете, первый лейтенант Пауэлл потребует должного обращения, а с ним и горячих блюд, поэтому и извиняетесь за «скудный» обед. Ничего, привыкнете еще к новому образу жизни, я вас научу. Вы еще не те развращенные и зомбированные американцы будущего, вы еще нормальные работающие люди – не хуже, не лучше советских людей. Вы еще помните, что такое трудная жизнь и что такое работа до седьмого пота. Наставлю я вас на путь истинный.

Так за размышлениями я быстро наворачивал божественную на вкус тушенку с хлебом. От принятия пищи меня отвлекло скромное покашливание стоящего у дверей лейтенанта Доброва. Вот ведь даю... Хоть за голову хватайся! Совсем забыл про летеху.

– Ох, лейтенант, простите меня, совсем про вас забыл... – каюсь я, проглотив очередную порцию тушенки.

– Что вы, товарищ первый лейтенант! Что вы! – в защитном жесте поднял руки Добров. – Я же вижу, вы со своими подчиненными о делах разговариваете. Просто я хотел узнать, нужен ли я еще здесь в качестве переводчика?

– Нет, вы можете возвращаться к своему командованию. Спасибо вам за вашу помощь. – Я встал, отряхнул форму и подошел к лейтенанту. – От лица командования армии Соединенных Штатов я объявляю вам благодарность за помощь в налаживании контактов солдат армии Соединенных Штатов в лице группы инструкторов и командования отрядом пограничных войск Советского Союза. – Мне показалось, что я должен сделать так, и я сделал. Лейтенант сначала прифигел, вылупился на меня, а потом до него дошло. Вытянувшись по стойке «смирно», он вскинул к фуражке руку и гаркнул:

– Служу трудовому народу! – И уже спокойнее добавил: – Разрешите идти?

– Вы мне не подчиняетесь, лейтенант, так что будьте проще. И разрешения у меня спрашивать не надо. Кстати, если вам не трудно, прошу вас, передайте командиру отряда, если вы, конечно, к нему пойдете, что моя группа готова к бою и мы ждем приказов.

Добров кивнул, еще раз козырнул и выскочил из помещения.

Отличненько, вопрос с походом к командиру отряда решен, и можно заняться делами здесь. Вернувшись за стол, я продолжил трапезу. Кинг улыбается: явно ему понравилось, как себя повел советский командир. Гордость, наверное, берет за то, что свой командир чужого, да еще и иностранного, по стойке «смирно» поставил.

– Кинг... Мнам... Мнам... – Болтать с набитым ртом неприлично, но очередная мысль пришла по ходу приема пищи. – Сколько сейчас в строю инструкторов из нашей группы? До моего приезда были потери?

– На данный момент в строю десять человек, сэр. Включая вас, одиннадцать. Потерь и раненых в группе нет. Все вооружены и снабжены двойным боекомплектом. – В голосе Сэма звенела удовлетворенность. Он докладывает лучшую весть на данный момент – вверенный ему до возвращения командира отряд не понес потерь, нет раненых, все вооружены, и у них есть все, что может понадобиться в бою. А это отличный показатель. Я зажевал последний кусок хлеба и, хлопнув себя по коленям, встал.

– Сержанты Бо, – хм, как просто командовать двумя братьями одновременно, – оставайтесь здесь на охране имущества. Если сюда в мое отсутствие придут советские командиры, Чарльз, найди меня, я разберусь, в чем дело.

– Сэр, да, сэр! Все будет в лучшем виде, сэр! – дружно загалдели братья Бо. Я обернулся к Сэму:

– Первый сержант Кинг, мы же с вами пока пойдем, пообщаемся с группой.

Подхватив свой автомат, я двинул следом за Кингом. Вышли в коридорчик и тут же свернули в первую дверь. За ней шел длинный коридор с большим количеством разбитых окон (под ногами отвратно скрипели куски битого стекла). Полдюжину дверей вели в небольшие комнаты. В конце коридора с винтовкой наготове стоял еще один американский сержант с каской на голове. О, каски, значит, есть? Надо себе попросить одну, для защиты моей бедной, болезненной черепной коробки. Эх, посеял я где-то свою каску...

Заметив нас с Кингом, часовой слегка подтянулся, но на лишние «сэрканья» от своей работы не оторвался, да и далеко до нас.

– Сюда, – кивнул Кинг, указывая на третью дверь в коридоре. Недалеко инструкторы устроились от своего временного штаба.

Вошли в помещение, и я даже крикнул от открывшегося мне зрелища. Вот и ответ на вопрос о наличии пулеметов. В открытое окно на треножнике, установленном на ящики, выставлена вороненая туша надежного и верного американского пулемета – «Браунинга М2П». Этот монстр 50-го калибра в моем мире, ну то есть в реальности, служит уже больше чем полвека. И только вот вначале двухтысячных американцы вроде бы придумали что-то

новенькое на замену этому титану. Хотя есть у меня сомнения по поводу замены «браунинга» полностью: уж очень хорош и надежен этот пулемет. Возле этой машины смерти сейчас возилось двое бойцов.

О! А вот слева один сержант возится с еще одним пулеметом, тоже «браунингом», но 30-го калибра. Сложенная тренога лежит у его ног рядом с металлическими коробками с лентами.

– Shun! Officer here! – тяжелым басом скомандовал Кинг.

Насколько я помню, это «шун» от слова «аттеншн». То есть «смирно!». Приятно, очень приятно чувствовать себя значимым.

Вся честная братия сержантов-инструкторов тут же бросает все свои дела и как ужаленная в зад вскакивает и тянется по стойке «смирно». Кинг тоже принял стойку «смирно» и, повернувшись на одних каблуках ко мне, козырнул. Все последовали его примеру. Хм, а у половины сержантов головных уборов нет, и чего они мне салютуют? Точно! У них же можно козырять и без головных уборов. Ну, тогда и мне надо соответствовать образу американского офицера. Салютую в ответ и даю команду: «Вольно!» Кинг меня дублирует. Замечаю сидящего в дальнем углу второго знакомого – сержанта Брока.

– Ну что же, начнем знакомиться. Я – первый лейтенант Майк Пауэлл. До возвращения в строй капитана Брауна я являюсь командиром этого подразделения, – представился я, пройдя в центр помещения. Будем создавать дружескую атмосферу в подразделении, так сказать, брать свое на основе уважения и взаимопонимания. Не нравятся мне командиры, скрывающие свою заботу о подчиненных за стеной грубости и ненависти. Но все же не забывая о строгости. – Сразу же сообщаю вам самую дерьмовую новость. Вокруг полным ходом разворачивается война. – Похоже, я произнес то, чего все боялись, но при этом прекрасно осознавали. Сержанты дружно вздохнули, кто-то выругался сквозь зубы. – И в эту войну мы уже с вами ввязались. Мы инструкторы, значит, будем учить русских солдат, как надо воевать, на своих примерах. – Добавим чисто американского пафоса. – Но никаких геройств! Нам всем еще...

– Воздух! – донеслось с улицы. – ВОЗДУХ!

– What?! – Кинга, судя по всему, сама интонация крика взволновала, да так, что он присел в дверях и совершенно круглыми глазами стал высматривать что-то за окнами. – Not again⁸... – Похоже, были уже налеты, и Кинг быстро проанализировал отношение крика русских «воздух» и бомбардировок.

– Воздушная тревога! – Кроме Сэма, никто даже не пошевелился: не сообразили еще, что к чему. – Всем рассредоточиться по комнатам, дабы снизить вероятность гибели всех сразу! Бегом по комнатам! – Тут-то они и показали себя во всей красе. Пара мгновений – и в комнате осталось только трое: я и те двое, что возились с крупняком М2.

Еще мгновение, и началось нечто невообразимое. Это нельзя никак передать. Это бомбежка! Может, это длилось минуты, а может, часы, я уже и не скажу, но это было очень долго. Бесконечно долго! Ни одна бомба не попала в нашу казарму, но падали они все же очень близко. Здание сотрясало от взрывов, в комнаты набросало горы земли – хорошо, стекла предыдущей бомбежкой вышибло, а то засыпало бы нас осколками. Было страшно, но одновременно хотелось порвать проклятых асов Люфтваффе в клочья. Один из пулеметчиков, пока бомбили, извлек откуда-то каску и вручил ее мне. Небольшое чувство защищенности отвлекло меня от этого ужасающе дикого воя пикирующего бомбардировщика.

Бомбежка прекратилась неожиданно. Тут же началось ликование – в соседних комнатах дружно драли глотки мои свежее испеченные подчиненные. Я бросился к окну и задохнулся от подступивших к горлу слез радости. В небе в безумной свалке с немецкими пики-

⁸ Только не это (англ.).

ровщиками и истребителями схватились советские истребители. Мне удалось определить, что среди советских самолетов были машины, похожие на И-16: очень уж они маленькие и несуразные, а также я точно узнал тонкие, гладкие черты МиГов. Когда, окутавшись огнем и дымом, к земле устремился первый «лаптежник», весь отряд загудел, завибрировал. Отовсюду доносилось одно – «УРА!». И я орал, и американцы орали. Победа – это так приятно.

В небе еще продолжалась битва, но меня она уже не интересовала. Высунувшись в коридор, я громко обратился ко всем:

– Переключка! Доложить о потерях!

– Кинг и Брок в порядке!

– Сержанты Лоу и Джи целы.

– Сержанты Бриггс, Доусон и братья Бо тоже целы. – Оглядываюсь на пулеметчиков.

– Пайс и Абрамс здесь, сэр.

– О'кей. Сержанты Бо, ко мне. Лоу, Джи, подмените их на посту! – Если была бомбежка, значит, не за горами и атака. Если, конечно, немцы не решили нас просто бомбить до посинения.

Так, так, так... Думай, Артур! Бомбежка была, теперь ты считаешь, что будет атака. Верно? Верно. Значит, надо подготовиться. И это при условии, что поблизости не одна сотня советских пограничников и красноармейцев при поддержке танков, артиллерии и авиации? А какая мне разница, есть они или нет? Я должен быть готов ко всему? Должен, война может подкинуть что угодно в любой момент. Составим план...

Мне пришлось побегать, чтобы определиться с местоположением нашей казармы в пространстве. Оказалось, наше здание – на северо-восточной окраине отряда. На западе от нас было два здания – склад и столовая. На севере и востоке метров на сто – сто пятьдесят пустыри, расчерченные следами шин, – здесь, похоже, был небольшой автопарк или площадка для практики по вождению. Не суть важно, что было, главное – открытое пространство, которое черта с два пересечешь под огнем двух пулеметов. За пустырями был забор, глухой деревянный забор. От взглядов со стороны скрывает, это нам на руку.

Крупнокалиберный пулемет оставили на месте: сектор обстрела у него отличный – если с тыла на отряд неожиданно враги выйдут, то свой участок мы прикроем. Тридцатый калибр установили в торце здания, перекрывая второй открытый сектор. Теперь у нас были прикрыты оба незащищенных (это по моему мнению и только относительно нашей казармы) направления – север и восток. Особенно меня волновало северное направление: там с каждой минутой нарастала перестрелка, довольно часто гремели взрывы, и вся эта стрельба однозначно приближалась сюда, нарастая с каждой минутой. Что-то неладное там происходит, ох неладное. Чует сердце мое, враги прорвались и лезут прямо сюда. Разгоняя тоску, я попытался доукомплектовать расчеты пулеметов, собрал маленькую оперативную группу из трех бойцов – себя, Кинга и Брока. Назначил охрану нашего штаба в лице сержанта Джуда Лоу (он и внешне оказался очень похож на своего голливудского тезку из будущего) и ответственного за снабжение – полноватого, с хитро бегающими глазками инженера с попсовым именем – Тимати Джи.

Подготовительные работы прекратились сами собой – раз, и все остановилось. Сержанты прислушивались. Стало тихо. Никаких звуков, вообще! Бой затих, и мир тоже. Вот оно, затишье перед боем. Никаких сомнений, что это именно оно.

– This is bad⁹... – Тут не поспоришь с мнением Кинга. Дела у нас неважные.

– Будет бой, Кинг. Готовь людей...

⁹ Это плохо (англ.).

Глава 3

Первый и последний

Я не ошибся. Поляки вышли прямо на нас. Сначала нам на головы посыпались мины. Правильно делают – долбят в профилактических целях. Только пользы с этого ни на грош. Мы после пяти минут обстрела остались живы, а значит, вскоре встанем врагам поперек горла.

Затем забор проломили два БТР «Ханомаг» 251-й модели и, развернувшись, начали поливать огнем пулеметов нашу казарму и столовку напротив. В ответ из столовой стали стрелять пограничники, чем привлекли к себе внимание и сосредоточенный огонь поляков. Мы же сидели тихо и выжидали.

– Всем спрятаться! Не высовываться. Огня в ответ не открывать. Пусть бронетранспортеры пропустят вперед пехоту, тогда ударим! – командовал я, сидя на грязном полу в коридоре.

Время от времени я аккуратно выглядывал в окно и пытался сосчитать пшек, выбегающих из проломов в заборе. Их уже было больше тридцати, и они быстро рассредоточивались, залегая вдоль забора. Много их... Два БТР и взвод пехоты – для нас это уже много. Казарма – это не ДОТ, она даже не каменная, долго мы тут не усидим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.